

сборник докладов

**научно - практической конференции
"Живая память о былом. 1921 год.",**

**посвящённой 100-летию Западно-Сибирского восстания 1921 года,
90-летию со дня образования Казанского района.**

с. Казанское, 19.03.2022г.

Участники конференции

«Живая память о былом. 1921 год»: Сборник докладов научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Западно-Сибирского восстания 1921 года, 90-летию со дня образования Казанского района, 19 марта 2021 г. - / Казанская центральная районная библиотека им. И. М. Ермакова. – Казанское, 2021. - 59 с. - 100 экз. - Текст : непосредственный.

1. Савельева Нина Васильевна, учитель истории МАОУ Казанская средняя общеобразовательная школа.
2. Старикова Анастасия Вячеславовна, библиотекарь Большеченчерской библиотеки МАУ «Казанская районная централизованная библиотечная система».
3. Сиселятина Надежда Михайловна, методист Казанской центральной районной библиотеки им. И. М. Ермакова МАУ «Казанская районная централизованная библиотечная система».
4. Фоминцев Евгений Валерьевич, учитель истории МАОУ Новоселзнёвская средняя общеобразовательная школа.
5. Шлегель Екатерина Сергеевна, учащаяся 8 класса МАОУ Новоселзнёвская средняя общеобразовательная школа.
6. Ярков Александр Павлович, профессор ТюмГУ, доктор исторических наук Тюменского государственного университета /
7. Лоткин Илья Викторович, профессор ОГУПТ, доктор исторических наук Омского государственного университета путей сообщения.
8. Иванов Леонид Кириллович, доктор политических наук, действительный член Академии российской литературы, секретарь Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ.
9. Южаков Виктор Петрович, свободный исследователь, кандидат исторических наук.
10. Терлеева Екатерина Владимировна, журналист газеты «Наша жизнь».

На крыльце дома Фоминых

Матрёна Тимофеевна и её свекровь Дарья Фёдоровна, которая до конца жизни жила со своей снохой, были обязаны пускать на квартиру любого из тех, кого поручал к ним на подселение колхоз. При этом дом состоял всего из двух комнат. Может быть, таким образом ещё и следили за «неблагонадёжной» семьёй...

Новопокровка, улица Заречная

Семьи участников «бандвосстания» 1921 года и их потомков долгие годы были под подозрением. Лишь такое народное бедствие, как Великая Отечественная война, будто тяжёлой боронной перепахала воцарившуюся было затхлую атмосферу всеобщей враждебности и подозрительности. Многие дети восставших, побывав в окопах, как бы снискали государственное «прощение» и «очистили карму» своему роду.

У могилы повстанцев

Из года в год, десятилетие за десятилетием на родительский день и на Троицу покровские жители обязательно подходили к тому кусту акации, где была не обозначенная ничем братская могила, там некоторое время стояли, сыпали рядом конфетки, яички – и про себя поминали. С 2007 года на могиле стоит памятник. У памятника лежат цветы, и каждый год кто-то заменяет их свежими.

После одной из моих публикаций о крестьянском восстании в районной газете со мной связались потомки Наума Сидоровича Фомина – они живут и в Казанском районе, и в Ишиме, и в Подмосковье.

Вечная память

Та братская могила не захоронила под толщей земли память о наших предках, о нашем родстве, а наоборот – увековечила её. Надеюсь, что в год столетия с тех событий мы соберёмся и отслужим памятную литию над нашими прадедами – братьями Фомиными, покоящимися на тихом погосте в надежде всеобщего воскресения.

Аннотация

Сборник статей подготовлен на основе докладов научно-практической конференции «Живая память о былом. 1921 год», состоявшейся 19 марта 2021 года в с. Казанское. В работе конференции приняли участие ученые, писатели и журналисты Тюменской, Омской областей, Казанского района, сотрудники библиотечной системы, учащиеся и преподаватели общеобразовательных организаций Казанского района.

Издание будет полезно для историков, краеведов, учащихся, занимающихся изучением малоисследованных трагических страниц прошлого столетия.

Содержание

Вступительное слово

1. Савельева Н. В. Коммуна «Заря»: рождение, существование, гибель..... 6-11
2. Старикова А. В. Страшные воспоминания.....12-15
3. Сиселятина Н.М. В истории деревни – история страны. Крестьянское восстание 1921 года в трудах И. И. Чашкова.....16-19
4. Фоминцев Е. В. Западно – Сибирское крестьянское восстание 1921 года: современный взгляд. Историография вопроса.....19-22
5. Шлегель Е. С. Отражение событий крестьянского восстания в произведении Ольги Ожгибесовой «Мы, крестьяне Великой Сибири».....22-25
6. Ярков А. П. О «движущих силах» восстания.....25-40
7. Иванов Л. К. Ишимское крестьянское восстание 1921 года в произведениях тюменских писателей.....41-43
8. Южаков В. П. Крестьянское восстание на севере Тюменской губернии 1921 года.....44-50
9. Терлеева Е. В. Судьбы повстанцев и их детей.....50-58

Участники конференции

Сын убитого в восстании Ивана Сидоровича Фомина Иван Иванович в тридцатых годах трудился старшим обозником в покровском колхозе.

У него был поставлен хороший бревенчатый дом, построенный братьями его жены Матрёны Тимофеевны Фоминой (Азаровой), потомственными плотниками Иваном, Михаилом и Георгием Азаровыми из деревни Новотравное ныне Ишимского района.

Разукрасили они этот дом деревянной вязью, а сам хозяин, истратив накопленные жене на обувь деньги, накрыл дом листовым железом. Недолго прожили в нём хозяин с хозяйкой и их дети Дмитрий и Александра.

Александра Фомина (Богина) и Матрёна Фомина (Азарова)

На Ивана был написан донос, что он раздал обозникам из своей бригады по фуражке колхозного зерна. Учитываяотягчающее обстоятельство – участие его отца в восстании 1921 года – Ивана Ивановича Фомина арестовали и присудили ему срок в колонии-поселении.

Во время отбывания срока Ивана посадили в карцер, там он голодал и сразу после освобождения, произошедшего за недоказанностью вины, умер от кишечной болезни. Братьев Азаровых – кстати, сыновей погибшего от ран на фронте Первой германской Георгиевского кавалера Тимофея Никоновича Азарова Тимофей и Пелагея Азаровы

Строка из наградного приказа

– в тех же тридцатых со всеми семьями отправили кого на спецпоселение в Черпию Уватского района, кого – в ссылку в Туруханский край, приговорив к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

А дом, который они построили для семьи сестры, реквизировали, как и всё домашнее имущество. Матрёна с детьми несколько лет скиталась по чужим углам. Потом началась война, и сын Дмитрий Иванович Фомин, фронтовик, воевавший в составе контрразведывательной организации СМЕРШ, обратился куда-то в высокие инстанции. После чего его сестре и матери разрешили вернуться в дом, ставший уже колхозным имуществом. Сперва в нём находился совет, потом совет перенесли в другое место, предварительно ободрав листовое железо с крыши.

... Я бы не поднимала вновь эту тему, ведь про убийство моих предков я уже немного писала несколько лет назад. Но случай дал мне понять, что в данной теме не всё ещё сказано, к сожалению. На одном мероприятии в своём выступлении я вкратце рассказала об единственной в нашем районе братской могиле крестьян-повстанцев. Их имена увековечены и над их прахом стоит православный крест.

Список имён погибших

Люди слушали с большим сочувствием и пониманием в глазах: мне было видно, что эта история далеко не переболела и пепел восстания до сих пор стучится во многих сердцах.

Но после моего выступления слово взяла зрительница из зала. И поведала, как бандиты жестоко расправились в Клепиково во время восстания с местными коммунистами. Рассказ этот как бы объединял в одно целое тех, кто мучил клепиковских коммунистов, и наших крестьян, согнанных в обозах к окрестностям Клепиково по приказу командования Народной армией. Из этого следует вывод, что уж такие-то звери заслужили свою участь – расправу.

Я категорически с таким подходом не согласна. Необходимо всё же отделять мух от котлет. С клепиковскими, ильинскими, дубынскими, гагарьевскими, вознесенскими партийцами и коммунарами расправлялись обычно свои же местные "добровольцы". Об этом свидетельствуют воспоминания очевидцев. Проводились такие казни по личным мотивам или из безумия безнаказанности – можно порассуждать. Но те, кто отправлен был образовывать живой щит для побиваемой на всех фронтах повстанческой армии, к кровожадным мучителям коммунистов отношения не имели. Поэтому не надо их называть бандитами, уподобляясь тем, кто рубил их сто лет назад.

Так за что всё-таки порубили моих предков? Историки утверждают, что после крестьянского восстания требования продрозвёрстки были смягчены и потом вообще заменены продналогом. Многие потомки повстанцев и коммунаров благодаря этому не погибли от голода. Так что, видимо, не зря русский Иван – даже забытый, оплётанный и проклятый государством – во все времена проливал свою кровь. А что же потомки и земляки?

Вступительное слово

Сборник трудов, сформированный по результатам научно-практической конференции «Живая память о былом. 1921 год», состоявшейся 19 марта 2021 года в с. Казанское, позволяет взглянуть с разных сторон на трагические события вековой давности.

Организаторами конференции выступили Отдел по культуре, спорту и молодежной политике администрации Казанского муниципального района, МАУ «Казанская районная централизованная библиотечная система», АУ «Казанское районное социально-творческое объединение «Досуг». В работе конференции приняли участие ученые, писатели и журналисты Тюменской, Омской областей, Казанского района, сотрудники библиотечной системы, учащиеся и преподаватели общеобразовательных организаций Казанского района.

Основной целью конференции стало привлечение внимания широких слоев населения к событиям Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. на территории Сибири.

Работы докладчиков, основанные на местном материале, освещали причины, динамику, последствия событий; судьбы участников восстания; воспоминания очевидцев; современный взгляд на крестьянское восстание в Сибири; отражение событий 1921 года в художественной литературе и публицистике писателей Тюменской области.

«Коммуна «Заря»: рождение, существование, гибель.

Савельева Нина Васильевна, *учитель истории МАОУ Казанская средняя общеобразовательная школа.*

Во многих районах России в начале 1920 годов продолжалось вооруженное сопротивление, имевшее широкий размах и упорный характер. Одним из таких районов являлась и Западная Сибирь. Особенностью этого сопротивления является тот факт, что борьба велась, как правило, между регулярными частями Красной Армии и иррегулярными коммунистическими формированиями с одной стороны, и повстанческо-партизанскими отрядами, организованными местным населением, с другой. Весной 1921 г. повстанческие подразделения действовали на обширнейшей местности от Обдорска (сейчас - Салехард) на севере до Каркаралинска на юге, от станции Тугулым на западе до Сургута на востоке.

Как известно восстание вспыхнуло на другом конце Ишимского уезда, в Челноковской волости. Крестьяне озлобленные и грабительским характером продовольственной разверстки (когда изымалось последнее — семенное зерно, залог будущего урожая), охваченные приступом паники и безысходности брались за оружие и убивали всех, кто являлся олицетворением новой власти на селе — работников исполкомов и сельсоветов, коммунистов, комсомольцев, учителей, врачей. Не обошло стороной восстание и деревню Дубынка, находящуюся на территории современного Казанского района Тюменской области, где началась настоящая трагедия.

Свою предысторию коммуна ведет еще с осени 1919 года, когда 4 ноября 1919 года в Дубынку вошли Красноармейские подразделения. На фронтах гражданской войны в борьбе с колчаковцами воевали и дубынские жители. «Дезертировавшие» из колчаковской армии крестьяне присоединились к освобождению сел и оставались дома по мере продвижения красноармейских частей к Петропавловску. Большое влияние на склонение дубынцев в сторону советской власти, оказывали бойцы, квартировавшиеся в деревне. Бойцы, остановившись на отдых рассказывали о жизни крестьян центральной России, где обедневшие крестьяне объединялись в коллективные хозяйства. Дубынцы обдумывали эти рассказы, взвешивая плюсы и минусы объединения в коммуны.

Вооружение его состояло из ста трёхлинейных винтовок, охотничьих ружей, вил, пешней и проч. В данное время противник отступил к югу до села Клепиковское, где находятся его главные силы. Нами предприняты все меры к ликвидации банд противника. Брошены кавалерия и пехота. В 19 часов был сильный бой, результаты пока не выяснены».

Из этого документа я впервые узнала, что кровопролитие у Клепиково произошло вечером 10 февраля 1921 года. Оперативная сводка штаба 181-го стрелкового полка войск ВНУС от 10 февраля уточняла: «Противник [в] районе Ишима сосредоточился южнее Ишима [в] Гагарино — Клепиково численностью около 2 000 человек. Они обстреляли кавалерию Лушникову ураганным ружейным огнем. Противника во время разведки убито более 50 бандитов».

Евгений Иванович Лушников, командующий кавалеристами, рубившими повстанцев в Рошихе

За ней следовала ещё одна сводка, теперь уже из штаба 85-й стрелковой бригады от 11 февраля 1921 г. «24 часа, 181-й полк. Кавалерия Лушникова обнаружила противника южнее Ишима, [в] дер. Клепиковская, где, бросившись [в] атаку, произвела разгром противника. Из находившихся [в] Клепиковской до 1 000 человек кавалерии и пехоты противника убито и ранено до 250 человек. Отступила группа [в] 50 человек, преследуемая ещё четыре версты. Остальные разбежались [по] амбарам и сараям, пленено 100 бандитов. [С] нашей стороны убито десять лошадей, ранено шесть кавалеристов».

Значит, в том «бою» наши крестьяне не убили никого, и это греет мне душу, ведь в Гражданской войне, говорят, победителей не бывает.

Красные кавалеристы с шашками наголо

Вот, вот о чём были рассказы выживших очевидцев, передававшиеся потом в деревне от дедов внукам! Мне рассказывал дед Иван, как разбежавшихся, забыв про свои вилы и железяки, и утекших на низком санном ходу мужиков сверху рубили всадники шашками. Как один из жителей Покровки признал в карателе своего кума из соседней деревни. Вот такая история, больше похожая на кино...

Есть документы, свидетельствующие о том, как мобилизовали крестьян. Их копии приводятся в книге новосибирского учёного В. Шишкина «Сибирская Вандея».

В ней приводится несколько распоряжений повстанческого командования о принудительной мобилизации всех мужчин (в некоторых волостях мобилизовали мужиков от 25 до 35 лет, в других – до 45 лет). Есть и сведения, помогающие пролить свет на характер причин восстания.

Реквизируют имущество у крестьян. Картина И. Владимирова

Вот, например, отрывок из Информационной сводки Тюменской губчека за январь 1921 года: «Уполномоченный губпродкома т. Абабков [И.П.] со своим отрядом, работая в волостях Уктузской, Пегановской, Дубынской, Ильинской по проведению госразвёрстки, производил над крестьянами издевательства: грабёж, избиение кулаками, нагайками, прикладами ружей без всякого основания. Лично Абабков сам избивал и, в довершение всего, пострадавшие крестьяне были арестованы и отправлены в Ишим. По приказу Абабкова продотрядом были избиты четырнадцать крестьян, у многих сняты полушубки, шапки, тулупы. В результате таких выходов продработников и их разнородных распоряжений были столкновения с жертвами. <...>». Или вот, из протокола 6-го секретного заседания Сиббюро ЦК РКП(б): «Омск. 11 февраля 1921 г. Слушали: О событиях в Ишимском уезде. Действиями продкомиссаров в декабре [1920] и январе [1921 г.] хозяйства разорены конфискациями. Крестьян салят в холодные амбары. При 30-ти градусных морозах обливали водой, ставили к стенке, якобы для расстрела. Много фактов пыток, издевательств и расстрелов. Творились безобразия...» Из подобных примеров можно хотя бы немного понять, почему возникли народные волнения.

А ещё я обнаружила в этой книге, в какой день и при каких обстоятельствах погибли наши покровские крестьяне и их товарищи по несчастью. Вот что значится в донесении заведующего политбюро Ишимского уезда Г.А. Тягунова в Омскую губчека от 11 февраля 1921 года: «Вчера, 10.02, в 14 часов противник до 1,5 тысяч человек повёл наступление на город Ишим с трёх сторон и ворвался в город, но был рассеян кавалерией и [в] результате понёс довольно значительные потери...

После того как были составлены списки, записавшихся в комму-ну, состоялось ее первое организационное собрание. Так в 1919 на территории села Дубынка Ишимского уезда, Омской губернии была создана коммуна «Заря», прозванная героической за тяжелые последствия, которые ей пришлось пережить после повстанческих движений 1921 года. В нее объединились триста человек из близлежащих деревень. В, частности, это Заречка, Синявино, Кугаево, Грачи, Кошкарово, Артамоново. Образовалось крепкое коллективное хозяйство. В двух верстах от Дубынки, на берегу озера они разбили поселок. Совместными силами пахали землю, выращивали скот, ставили дома. Все средства производства были общими. Первый год жизни коммуны закончился достаточно благополучно. Удалось собрать хороший урожай, с помощью которого коммунары смогли рассчитаться с государством за предоставленные в кредит сельхозмашины. Стоит учитывать и психологический аспект: жили в коммуне дружно и весело, коллективный труд был всем в радость, потому что люди знали, что трудятся на себя, а не на богачей.

Первым Председателем коммуны "Заря" был Морев Михаил Кузмич, а Ковале Харлампий Васильевич - был секретарем партийной ячейки. Чебаков Тимофей Иванович – председателем вол-исполкома. В числе первых членов коммуны - Швецов Иван Ага-потович - секретарь комсомольской ячейки.

В мае 1920 года Совет коммуны решил создать плотницкую бригаду. В источниках, указано, что за год в коммуне построено 17 домов, пекарня, столовая, школа, клуб, ясли, контора, баня, кузница, птичник, скотные дворы, амбары под урожай, навесы для техники [5]. Примерно в это же время произошло одно из самых неординарных событий - свадьба без венчания, которую жители деревни меж собой называли «безбожной свадьбой». Коммунар Иван Прокопьевич Иванов женился на комсомолке из Дубынки Марии Устиновне Заполевой. Устин Заполев, отец невесты, обещал отомстить, если Мария выйдет замуж за коммунара без согласия. Но, тем не менее, не смотря на угрозы отца, свадьба состоялась. Несмотря на все успехи, в обществе все более ощущалось недовольство мерами советской власти. Льготы для коллективных хозяйств вызывали недоумение и неприятие новой власти у единоличников.

Вводя льготы для коммун, государство раскалывало деревню, противопоставляя коммунаров, остальной массе крестьян. Кроме того, после октября 1917 года в Западную Сибирь бежали офицеры, священнослужители, чиновники, купцы – все те, кого Советская власть лишала чинов, званий, привилегий. 20 июля 1920 года выходит в свет постановление СНК «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». Постановление говорило о том каждый крестьянин, отказывавшийся отдавать даром результаты своего труда, объявляется врагом народа. Крайней датой сдачи излишков было установлено 1 января 1921 года [4, с. 4]. Важное политическое значение имела телеграмма В.И. Ленина в Сибпродком **«В целях обеспечения Красной Армии и трудового населения рабочих центров Республики мясом и салом предлагаю принять действенные, революционные меры к успешному проведению заготовки этих продуктов.... До 1 января (будущего) 1921 года»** [4, с. 4]. Это говорило о том, что помимо изъятия хлеба происходил процесс изымания из запасов крестьян сала и мяса. В архивах указана такая информация: **«На Ишимский уезд наложили продрозверстку в размере: хлеба – 1850000 пудов, крупного рогатого скота – 29140 голов, мелкого рогатого скота – 96334, масла коровьего – 232537 пудов, картофеля – 45000 пудов»** [4, с.4] В процессе продрозверстки крестьяне оставались без фуража и хлеба, скот – без кормов. Активно шел процесс конфискации сельхозмашин, домашнего имущества, инвентаря и личных вещей. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что все меры делались с одной конкретной целью - разорение Сибирского крестьянства. В декабре 1920 была создана так называемая "Чрезвычайная тройка", состоявшая из представителей Упарткома, Упродкома и Уисполкома, которая издала приказ №1: «...к исходу суток (7 января 1921 года) выполнить все падающие на уезд разверстки. Никаких оправданий о невыполнении полностью разверсток приниматься во внимание не будет... Безусловно воспрещается всякая посылка ходяков, делегаций с ходатайством о продлении срока или уменьшения разверсток. В противном случае, они будут арестовываться, и направляться на принудительные работы» [4, с. 4].

В феврале 1921 года до Дубынской волости докатились волны крестьянских выступлений и колокол на дубынской церкви возвестил о начале одной из самых страшных трагедий, вошедшей в летопись крестьянского восстания на юге Западной Сибири.

преданий старины далёкой, и она так и рисовалась перед моим внутренним взором.

Над вечным покоем. Покровские просторы

При этом я не до конца понимала, на какой войне погибли те несчастные мужики, чья кровь течёт в моих жилах. И где находится то место, которое они этой кровью так обильно полили.

Уже во взрослом возрасте я узнала, что Рошixa – это красивое видом сельцо Клепиково в Синицынском бору недалеко от Ишима. Я лет двадцать назад там была, но тогда не представляла себе, что где-то на тех живописных полях и взгорьях сложил голову мой прапрадед Иван Сидорович. В этот раз по дороге туда меня так и тянуло пристальнее взглянуть в окружающие пейзажи – раскидистые сосны, голубые снега, предзакатное солнце. Ведь это же самое видели последним в своей жизни мой предок и его родные. Так я будто воскрешала их память и молилась, чтобы нашли покой их мужицкие души.

Закат над клепиковскими лесами

В Клепиково я зашла в сельскую школу, зная, что там есть краеведческая комната-музей, и надеясь, что в ней найдутся какие-либо сведения о бое в Рошixe. Учитель истории Наталья Александровна Долженко гостеприимно отнеслась к неожиданной госте и показала мне документы и экспонаты, которые относятся к теме 1921 года. Увы, они рассказывали лишь о судьбе клепиковских коммунаров. Ничего о массовом побоище в их селе ни она, ни её знакомые доселе не слышали. При всём желании мне помочь никакой более информацией поделиться они не смогли.

Учитель истории Н.А. Долженко с экспонатами, посвящёнными восстанию 1921 года

Зато тамошние педагоги мне объяснили, где находилась сто лет назад часть деревни под названием Рошixa. Это как раз направление в нашу сторону – на Гагарино, Лариху. В той стороне ныне располагается Клепиковский погост. На обратном пути я долго смотрела на эту рошixу, на клепиковские улочки, представляя, как сто лет назад здесь бежали и падали в снег, настигаемые ударами пашек, на беду далеко забравшиеся от своей деревни люди. Зачем они здесь очутились?

Когда прадед Сидор об этом узнал, он сразу же поехал в Рошиху искать сыновей по подворьям, по улицам, за селом. Тогда, говорят, стоял сильный мороз, зима в 21-м году была снежная, метельная. Трупы приходилось откапывать из-под снега и опознавать. Так и привёз прадед всех сыновей мёртвыми и похоронил – правда, не известно точно, в братской ли могиле или отдельно, сам».

Кладбище в Новопокровке

Эти рассказы не противоречат и данным, приведённым в том же году жительницей посёлка Челюскинцев Анной Яковлевной Кныш 1923 года рождения, которая родилась в Новопокровке. Она – внучка Фомина Агея Сидоровича, а историю гибели своего деда она поведала по рассказам бабушки Фоминой Хевроньи Ефимовны (1887 – 1959 гг.). Вот что говорила она: «О восстании в Рошихе я слышала от своей бабушки. Она часто вспоминала, что там погиб мой дед Агей. В Рошиху его послали вместе с другими новопокровскими мужиками. Вооружиться на всякий случай велели, кто чем может. Кто взял вилы, кто топор, кто лопату. Уезжали на конных подводах и живыми уже не вернулись. Привезли в семью Фоминых пять трупов. Я не знаю имён остальных, знаю только, что среди них был мой дед Агей».

Памятник на могиле повстанцев в Новопокровке

В Новоселзнёво в семье дочери сегодня проживает ещё одна уроженка Новопокровки, Анна Ивановна Быкова 1939 года рождения. Дед Анны Ивановны Иван Тарасович Коровин тоже был мобилизован в ряды повстанцев и погиб в тот же день в Рошихе.

А.И. Быкова с портретами погибшего деда и бабушки

В их деревне эта трагедия, смертоносным снарядом взорвавшая тихую жизнь и погубившая враз около двух десятков мужиков-односельчан, помнилась людьми нескольких поколений. Анна Ивановна приводит слова своей мамы Прасковьи Ивановны Мартысюк, бабушки Марфы Афанасьевны Коровиной, которые видели и запомнили до конца жизни страшное зрелище, как в некогда богатый сыновьями дом Фоминых привезли мёртвыми их всех пятерых... Как их мать не знала, по кому и плакать, лишь в немом горе лазила по гробам. Я тоже в детстве, значительная часть коего была проведена в деревне Покровке, наслушалась

Для того, чтобы разобраться в причинах так внезапно разразившейся год спустя трагедии, обратимся к некоторым фактам.

Во-первых, как известно под коммуны было выделено 767 десятин благоприятной для плодородия земли, в том числе 367 десятин пашни и 130 десятин сенокосов [5]. Нельзя забывать и о том, что в Сибири земля, в целом, являлась общинным пользованием. То есть только община могла распоряжаться ею и только община решала, кому и где выделять наделы. Естественно, нарушив вековые устои, отняв, так сказать, лучшие земли у своих соседей и односельчан, коммунары не могли не вызвать недовольства общества.

Во-вторых, положение о продразверстке на коммунаров не распространялось. Собрав – на общинных землях! – довольно-таки хороший урожай, они засыпали часть для следующей посевной, а часть оставили себе – на пропитание, остальное же – 60 подвод – отправили в Ишим. И это в то время, когда у всех остальных зерно выгребали подчистую – и «едоцкое», и семенное, чем обрекли на голод тысячи семей.

В-третьих, коммунары отреклись от православной веры, которая в сибирских деревнях была очень сильна. Коммунары, не боясь ничего и никого, подчеркивали свое пренебрежительное отношение к сельским обычаям и традициям: в церковные праздники они устраивали гулянки, играли на гармошке, а осенью сыграли свадьбу – свою, коммунарскую, без благословения родителей и венчания в церкви.

Всё это, естественно вызвало большую волну недовольства в среде крестьян. Судьба коммунаров была предрешена. 9 февраля 1921 года стал роковым днем в истории коммуны «Заря». «Повстанцы пришли со стороны соседней деревни. Поначалу никто не обратил на них внимания – коммунары были заняты обычными делами. Когда спохватились, нападавшие уже бесчинствовали в домах и на улицах. Как вспоминает Лидия Леонтьевна Маковенко, в коммуне она работала учительницей: «Этот день был ясный и морозный. Настроение у всех членов коммуны было радостное, бодрое. Все с утра принялись за свои обычные дела. Взрослые ушли на работу, а малыши в школу. Уроки в школе проходили, как обычно.

Дети на переменах веселились. Никто и не предполагал, что через несколько часов многих постигнет большая горе. Председатель коммуны мне посоветовал отпустить школьников домой, урок пения перенести на следующий день и поехать с гражданином Копыловым на почту в с. Дубынское за два километра от коммуны, я так и сделала. Выехав за околицу, мы увидели вдалеке какие – то толпы людей,двигающиеся из соседней деревушки Грачи тоже в направлении к селу Дубынскому. Мы были сначала в недоумении, а потом решили, что прибыл новый отряд по развёрстке излишков хлеба и спокойно поехали дальше по направлению к коммуне. Это была разношерстная толпа, вооруженная, чем попало пиками, ломами, топорами, лопатами, кольями, редко у кого была винтовка. С криками: «Вот они коммунисты. Бей их!» - кинулись на нас. Началась расправа. Меня вытащили из саней на снег, начали бить, пинать ногами. Я лежала на снегу окровавленная и ничего не соображала. Один из толпы замахнулся на меня винтовкой и хотел прибить, а другой схватил его за руку, поднял меня с земли и сказал окружающим: «Бить зря нельзя молодую девушку, надо разобраться». Все отошли, а мой спаситель повел в меня Дубынку, Копылова я больше не видела. Потом узнала, что над ним всячески издевались, убили и бросили в поле» [5]. Имущество, а его в коммуне было немало, разграбили, увели скот. Коммунаров выгнали на площадь.

«Не дали даже одеться – кто в чём был, в том и стоял на снегу в 20-градусный мороз. Ревущих детей покидали в короба – телеги с бортами. Взрослых построили в шеренгу по двое и повели в Дубынку» [5]. Жительница соседнего села Ново-Александровка Анна Павловна Резинкина – в 1921 году ей едва исполнилось три года! – помнит, как вели зимой по улице женщин – босых, простоволосых, в одном нижнем белье. Коммунистов вызывали на допросы, избивали, издевались. Вспоминает она и то. Как мать спрятала их, детей, в подпол – они сидели там, пока повстанцы обыскивали дома в поисках членов коммунарских семей [6, с. 24]. В Дубынке пленников закрыли отдельно: детей и женщин – в Нардоме, бывшем доме купца Александрова, мужчин и стариков – в избе крестьянина Орлова.

Учительница – коммунарка Лидия Томашук, уцелевшая в эти дни вспоминала: «В селе творилось что-то невероятное. Со всех сторон неслись вопли, стоны, рыдания, ругань. Окровавленных людей куда-то тащили, издевались над ними» [5].

Двое братьев Дарьи Фёдоровны – Иван Фёдорович и Фёдор Фёдорович Быковы – погибли в этот же день. Вот что они рассказали:

Деревня Новопокровка сегодня

«Семья прадеда Александры Ивановны Сидора Фомина была большой. В ней было пятеро сыновей и две дочери. Сыновей звали Агей, Наум, Иван, Герасим и Еким. Жили они своим крестьянским хозяйством, держали скот, пахали, сеяли. Семья была трудолюбивой, хозяйственной, сыновья – хорошие помощники. Надёжные, дружные, законопослушные. Жили в достатке. Иван и Агей были уже женаты, у Ивана подрастал сын Иван, у Агея – Яков.

Время летней страды. Потомки Фоминых и Богинных на сенокосе Шёл 1921 год. В деревне всем управлял староста Артём Павлович Коровин. Житейские проблемы решали на деревенской сходке. Годы были непростые, беспокойные. Народ привыкал к новой власти, отношение к ней у людей было разное. Зимой 21-го года староста тем мужикам, кто был помоложе, велел запрягать подводы и ехать в волость. Дорога в то время шла горой возле деревни Рагозино, все её называли Ишимской дорогой. По ней мужики и уехали.

Рощина, или Клепиково

Уже после случившегося стало известно, что в Рощиче располагался штаб повстанцев, который и руководил этими сборами. Рощина была укреплена снежными валами, ледяными горками. Въезд в село оставили перевёрнутыми боронами, он строго охранялся, никого не выпускали. Мужики не подозревали, что начнётся кровопролитие, но по речам штабистов поняли, что без крови не обойтись. Из дома на всякий случай крестьяне прихватили вилы, топоры, колья, лопаты. И когда раздались первые выстрелы, началась паника.

Участники подавления Крестьянского восстания в Ишимском уезде

Кто убегал и прятался, кто падал убитым, кого затоптали конями. Все пятеро братьев Фоминых, уехавших тогда в Рощичу, были убиты. Тела их были трудно узнать, настолько они были изуродованные, обледеневшие.

6.Петрова В.П. Крестьянское восстание в Тюменской губернии в 1921 г.

времен (1918-1945 гг.) / ГУИПП «Полиграфист», Ханты-Мансийск, 1998;

7.Тюменский комсомол. Путевка в жизнь. К 90-летию ВЛКСМ и Тюменской областной комсомольской организации / ООО «Эпоха», М. 2008.

8.Шишкин В.И. Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск: Издательство «Олсиб», 1997, 710 с.

9.Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29 сентября-2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 129-142.

«Судьбы повстанцев и их детей»

Терлеева Екатерина Владимировна, журналист газеты «Наша жизнь».

Новопокровка. Река Пороги

Я, по всей видимости, как никто имею право и должна писать о восстании 1921 года. В один несчастный февральский день на маленьком пятачке России погибло семь моих родственников, жителей деревни Новопокровки: прапрадед, четверо его родных братьев и два его шурина – братьев жены.

Столько враз молодых мужиков из нашей родни не погибало ни на одной войне. О том, как это произошло, я знаю по воспоминаниям моих бабушки и деда Богиных Александры Ивановны и Ивана Наумовича.

Богины Александра и Иван

С ними в 2007 году беседовала Анна Трофимовна Дегтярёва из Большой Ченчери. Они ей передали рассказы, слышанные от покровских стариков-очевидцев (Иван Наумович в юности часто спрашивал их о былом) и от бабушки Александры Ивановны Дарьи Фёдоровны Фоминой (1884 – 28.11.1961 гг.), вдовы погибшего в Рошихе Ивана Сидоровича Фомина.

Известно, что судьба коммунаров решалась около трех дней. Коммунистов избивали, вызывали на допросы. Мария Заполева, коммунарка, вышедшая замуж против родительской воли, без венчания, была убита родным отцом. Как известно, преступность и бандитизм в ишимском уезде считались одной из самых волнующих общество проблем. Кроме того, многие исследователи не раз обращались к этому вопросу. Естественно, зверский погром коммуны «Заря» не стал исключением. К примеру, о беспощадном и жестоком погроме в коммуне «Заря» написано в статье И.В. Курышева «К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.)». Историк отмечает: **«В слепой ненависти, решив навсегда покончить с легендарной коммуной «Заря», ставшей олицетворением ненавистной коммунистической власти, они зверски убили 144 коммунара, причем, тела обреченных жертв, перемежаванные с рядами бревен. Были ими сожжены».** [7, с. 34] О судьбе коммуны после жестокого мятежа 1921 года, известно лишь то, что в 1929 году, она приняла статус сельхозартели, и продолжала свое существование до 1956 года. Западная Сибирь 1920 – 1921 представляла собой достаточно печальную картину опустошения после колчаковского ига. Особенно пострадали населенные пункты бывшего Ишимского уезда, явившиеся ареной ожесточенных боев частей Красной Армии колчаковцами.

Особенностью 1921 года была невероятная жестокость и бесчеловечность. Все зло, принесенное Советской властью, для крестьян воплотилось в коммунистах и коммунарах. Их уничтожение – означало и уничтожение Советской власти, вера в возвращение к прежней, спокойной жизни. Это была единственная цель восставших, ничего другого они не хотели. Крестьянское восстание 1921 года вылилось в самоуничтожение крестьянства. Стихия необузданной мести еще долгое время сказывалась на принципах поведения противоборствующих лагерей. Духовная атмосфера Гражданской войны способствовала закреплению в массовой психологии ожесточения, нетерпимости, непримиримости.

«Страшные воспоминания»

Старикова Анастасия Вячеславовна, библиотекарь *Большеченчерской библиотеки МАУ «Казанская районная централизованная библиотечная система»*.

«Прошло 100 лет с начала стихийного восстания сибирского крестьянства. За эти годы многое изменилось в жизни страны. И сегодня уже по-другому оцениваются события 1921 года. Сегодня ясно одно: крестьянское движение, как и гражданская война, стали трагедией для всей России» - это слова краеведа Дегтярёвой Анны Трофимовны - человека, благодаря которому несколько поколений знают больше, чем могли бы знать о своей малой Родине и о своих предках.

Проживает Анна Трофимовна в селе Большая Ченчерь, активно занимается краеведческой работой.

Более двадцати альбомов подарено Анной Трофимовной в Большеченчерскую библиотеку, районный краеведческий музей. Один из альбомов посвящён трагическим событиям 1921 года и носит название «Крестьянское восстание в нашем крае». В нём собраны воспоминания очевидцев, родственников и старожилов.

Из воспоминаний Шикова Сергея Михайловича 1914 года рождения, в детстве проживающего в деревне Огнёво: «Моя детская память хорошо запечатлела события 1920-1921 годов. Происходящее я уже мог воспринимать осознанно.

Большевики, придя к власти, разрушили старый мир. Особенно пострадала деревня, крестьяне. Обещанную землю люди получили, а то, что выращено было на этой земле, стали забирать по продразвёрстке, не оставляя даже семян и не спрашивая землевладельца. В результате среди крестьян началось недовольство, заговоры.

Ситуация в Огнёво стремительно менялась: то белые, то красные сменяли друг друга. В конце января 1921 года в деревню ворвался верхом на конях отряд повстанцев, которых люди называли бандитами. Началась резня. Позже выяснилось, что всё было спланировано заранее: где выставить посты, кого уничтожить. Заговор в деревне возглавлял человек, которого мы хорошо знали, он жил по соседству. Бандиты нагрянули внезапно. Все коммунисты, комсомольцы были заняты делами, никто не ожидал подвоха.

Быстрый разгром повстанцев в Среднем Приобье был обеспечен не только превосходством красноармейцев в вооружении, но и полной деморализацией противника. Таким образом, Западно-Сибирское крестьянское восстание потерпело поражение.

Одни партийные организации Тюменской губернии потерпели жестокую убыль: по неполным сведениям, цифры потерь колеблются от 1000 до 1500 человек, в том числе погибли на фронте два члена президиума губкома - А.Н. Оловянников и А.В. Семанков, а также погиб захваченный бандитами губпродкомиссар Г.С. Инденбаум.

Восстание на Тюменском Севере из-за удаленности и относительной изоляции региона приняло несколько затяжной характер. Это было широкое народное движение, в котором приняли участие различные слои населения. Его отличали стихийность, недостаточная организованность.

Боевые действия протекали в основном вдоль русла Оби и ее крупных притоков. Противникам приходилось совершать длительные многокилометровые переходы, бороться не только друг с другом, но и с суровыми природными условиями. Велика также была роль морально-психологических факторов. Слабо организованные повстанческие отряды нередко в критический момент сражения поддавались панике и отступали с большими потерями. В целом следует признать крестьянское восстание на территории Севера Западной Сибири одной из ярких страниц истории края, событием, имевшим не только региональное, но и общероссийское значение. Сегодня ясно одно: крестьянское движение, как и гражданская война, стали трагедией для всей России. Красные и белые, повстанцы и большевики - это представители одного народа, это наши предки.

Список литературы

1. Воспоминания Виноградовой Аглаи Николаевны, 1904 г.р. / записаны Южаковым В.П. в 1970 г. / личный архив В.П. Южакова.
2. Западно-Сибирское восстание 1921 // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. - М. : Большая российская энциклопедия, 2004-2017.
3. За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.).
4. Московкин В.В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 г.
5. Патрикеев Н.Б. Комсомол Северо-Западной Сибири. Очерк истории. Кн. 1. В вихрях

Наступившая весенняя распутица замедлила действия Красной армии. Исключительную роль в дальнейших событиях сыграл Северный экспедиционный отряд под командованием П.И. Лопарева, сформированный в Тюмени 18 марта 1921 г. из красноармейцев, вернувшихся с Врангелевского и Польского фронтов. В подавляющем большинстве это были уроженцы Севера, опытные охотники, прекрасно владевшие оружием, хорошо знакомые с природно-климатическими условиями предполагаемого театра боевых действий. Поэтому, несмотря на немногочисленность, отряд представлял весьма грозную силу. Он совершил тысячекilометровый переход по непроходимой местности через Конду и Пелым, сметая на своём пути повстанческие отряды в населённых пунктах. 11 мая 1921 года внезапным ударом, используя состояние деморализации в рядах повстанцев, захватил село Самарово, в то время являющееся центром сопротивления повстанческой армии. В плен попали 200 повстанцев и их штаб. На следующий день сотни повстанцев пошли в наступление на село с целью разгромить десант, но в начале боя их постигла неудача - погиб командир Б. Сватош. Операция сорвалась. А через несколько дней, 16 мая, недалеко от Самарово красноармейцы настигли один из повстанческих отрядов. В этом бою погиб командующий Народной армией В.М. Желтовский. В конце мая десантом, прибывшим на бронепароходах, были заняты Берёзово и Сургут, 2 июня - Обдорск.

Вечером 14 мая 1921 года в Самарово на пароходах «Сергей» и «Мария» прибыли части 232-го полка регулярной Красной Армии. Командир отряда А.Н. Баткунов, имевший в своем распоряжении 3 орудия и 6 пулеметов, не задерживаясь в уже освобожденном селе, продолжил движение вниз по Оби. 20 мая красные заняли Березов. Внезапным налетом было взято село Мужы.

29 мая 1921 года отряд регулярной Красной армии А.А. Неборака подошел по Оби к Сургуту со стороны Нарыма. Застигнутые врасплох повстанцы не оказали сопротивления. В плен попало около 400 человек, в том числе 35 «активных работников», секретная переписка, приказы и дела штаба Народной армии. Красный отряд очистил от бандитов низовье реки Вах и село Ларьяк, захватив пароход «Смелый» и баржу «Сосновка». За все время операции отряд А.А. Неборака, не потеряв ни одного человека, уничтожил 58 повстанцев и еще 540 захватил в плен.

У одного комсомольца шла свадьба. На глазах невесты жених был убит, а потом уничтожены все присутствующие. Расправа над коммунистами вершилась почти неделю.

Мой отец в это время служил в рядах Красной армии. Дедушка с бабушкой очень волновались за семью дочери Степаниды и зятя Алексея, которые находились в коммуне, в 20 километрах от Огнёво. Повстанцы туда не попали, а коммунары о событиях в деревне не знали.

В субботу дядя Алексей с тёткой Степанидой ехали домой за продуктами. Бандиты их уже ждали и встречали у въезда в деревню. Со словами: «Вас-то мы и ждали!» начали расправу.

Бабушка с матерью выбежали на крики. Один из бандитов закричал: «Встречайте! Ваши в гости приехали!», а другой радостно сообщил: «Я Стёху с первого раза успокоил!». Перед глазами мамы и бабушки предстала страшная картина: Степанида сидела в коробе, привалившись к стенке, а через шаль сочилась кровь. Алексей лежал на санях, лицо его было залито кровью, но он ещё мог говорить. Увидев родственников, он только успел попросить у них прощения.

В лесочке недалеко от школы охотники вырыли яму для ловли зайцев. В эту яму свозили убитых. Дядю привязали к саням и всю дорогу до ямы били палками. Он то терял сознание, то снова приходил в себя.

Ночью дядя Алексей пришёл в сознание. Ему удалось выбраться, но он был обнаружен и убит.

Трупы убитых хоронить не разрешали. Их свозили на лёд реки Ишим с расчётом, что в половодье их унесёт река.

В одно февральское утро какой-то верховой сообщил, что в соседнее село Гагарье вступил отряд «красных» и у них есть оружие: винтовки, пулемёты, пашки и боеприпасы. У повстанцев были только самодельные пики, выкованные в кузнице. Да и по численности их было гораздо меньше, так что силы казались не равными. Они решили примкнуть к другим восставшим, чтобы объединить усилия, и двинуться в сторону Ишима, но где-то в районе села Клепиково (бывшее село Рошиха) были разгромлены».

Воспоминания Новопокровцев. В 20-е годы жители Новопокровка жили в достатке: держали скот, пахали, сеяли, излишки продавали на базаре в Ишиме. В «народную армию» попали многие молодые, крепкие мужики. Их послали в Рошиху, ныне это село Клепиково Ишимского района.

Мобилизованные и не подозревали, что будет такое страшное столкновение, такое кровопролитие.

Из рассказа Муханова Анатолия Петровича: «Зимой 1921 года дядя с отцом поехали в Новотравное через Лариху свататься. Перед Ларихой их остановили верховые и вернули обратно.

Им было велено немедленно собираться и подводой направляться в сторону Рошихи. Деревня была полна мужиков взъерошенных, беспокойных, в ожидании чего-то опасного, неминуемого.

Наступила какая-то зловещая тишина. Затем послышалась пулемётная очередь. Те, кто ждал, притаившись, повискакивали и началась схватка, драка. В ход пошли колья, дубины, вилы, лопаты. Суматоха, крики, кто убегал, кто прятался в подворотню, кто падал убитым. Снег стал красным.

Мой отец Пётр Прокофьевич сумел притаиться. В сумерках поймал лошадь, выехал из Рошихи и добрался в Новопокровку.

Он пытался найти своего брата Ивана, но не смог. Тот или затерялся в толпе, или уже был убит.

Моя мать вспоминала, что слёз и горя было очень много, деревня будто опустела. В некоторых семьях погибало по несколько человек: так в семье Фоминых пятеро братьев».

По рассказам Фоминой Дарьи Фёдоровны 1884 года рождения: «Семья была большая, трудолюбивая, хозяйственная. Жили в достатке.

Зимой 1921 года староста собрал молодых мужиков, велел запрягать подводы и ехать в деревню Рошиху. Деревня была обнесена снежными валами, ледяными горками. Въезд в селе уставлен был перевёрнутыми боронами. Из деревни никого не выпускали. Мужики не подозревали, что будет кровопролитие. Вдруг раздались выстрелы, началась паника. Кто убегал и прятался, кто падал уже убитым. Кого затоптали конями.

Из семьи уехали пять братьев. Один из них муж. Они были убиты, неузнаваемо изуродованы. Когда Сидор узнал, он сразу же запряг подводу и поехал в Рошиху. Искал везде: по подворьям, по улицам, за селом, в сугробах. А в 1921 году зима была очень снежная, холодная, метельная. Отец нашёл своих сыновей, привёз и похоронил».

В эти годы в школе посёлка Бобровский Ханты-Мансийского района (в 30 км от села Цингалы) пионерская дружина носила имя Бориса Лосева. К нам из Свердловска приезжала старшая сестра Бориса – Аглая Николаевна Виноградова (Лосева). На пионерском сборе рассказывала о подвиге своего брата. Подарила белые кружевные воротнички девочкам-отличницам, а Боре Капле – китайский фонарик...

...Неудачные боестолкновения с повстанцами деморализовали красных. Начинается их быстрое отступление на север - в село Самарово и далее в направлении села Березова. Очередная попытка остановить повстанцев предпринимается 14 марта у села Карымкары на Оби. Инициатором боя выступил Председатель Березовского уездного исполкома Т.Д. Сенькин.

Однако когда появился противник, возникла неразбериха. Сенькина никто не слушал - обнаружилась необученность наших отрядов и отсутствие у них воинской дисциплины. Началась паника. Все бросились кто к подводам, кто в окружающий берега лес. Красные побросали оружие, лыжи, теплую одежду и превратились в бегущую дезорганизованную толпу, не способную к сколько-нибудь серьезному сопротивлению.

Повстанцы, используя численное превосходство и поддержку населения, шаг за шагом продвигались, занимая территорию вдоль северных рек Оби и Иртыша.. Попытки руководства Березовского и Сургутского уездов объединенными силами остановить повстанцев успеха не имели. 8 марта 1921 года повстанцы заняли село Самарово. 9 марта взяли Сургут. 21 марта - Берёзово, 1 апреля - Обдорск.

Разгром восстания

Сконцентрировав большие силы регулярной Красной Армии, ЧОН, милиции, большевики к середине марта подавили восстание на территории Ишимского уезда, одновременно ведя наступление на Тобольск. 8 апреля город был занят частями Красной Армии. Пять тысяч повстанцев попало в плен. Руководители восстания с остатками Народной армии эвакуировались в Самарово. Сюда переехали председатель городского Совета Степанов, предвоенсовета Стежкин, начальник Главного штаба Силин.

Сделав несколько залпов, красные в беспорядке отошли, оставив обоз с теплой одеждой. Во время этого боя попал в плен и был замучен комсомолец из села Цингалы Борис Лосев...

...Лосевы появились в Цингалах в 1908 году. В 1906 году глава семейства Николай Анатольевич был осужден по обвинению «в подстрекательстве крестьян к ниспровержению существующего строя» и выслан из Костромской в Тобольскую губернию. Присмотревшись к особенностям жизни на Севере, инициативный и решительный ссыльный мужик организовал одно из первых на Севере сельское потребительское общество. Судьба его печальна: в годы Гражданской войны он был арестован, этапирован сначала в Тобольск, потом в Читу, где был расстрелян колчаковцами.

Борис Лосев родился в 1905 году. Он рос очень способным, жизнерадостным, крепким мальчиком. Боря был единственным сыном, поэтому отец в нем души не чаял: воспитывал с особой любовью, закалял, брал с собой на рыбалку, в лес по грибы и ягоды, на охоту. Не удивительно, что в свои десять лет Борис мог в одиночку ходить на охоту за зайцами и куропатками, ставил в лесу капканы и силки; на реке - переметы. Вдобавок он хорошо играл на балалайке и мандолине, обладал хорошим слухом, имел красивый и звонкий голос, любил петь, читать книги и декламировал стихи Пушкина, Некрасова.

В августе 1920 года Тобольский уездный комитет РКСМ создал комсомольскую ячейку в селе Цингалы. В 14 лет Борис уже был одним из первых комсомольцев. Известие о мятеже застало Лосева в селе Демьянское, где он учился. Юноша на лыжах вернулся домой и с группой партийных, советских работников направился в Реполово, где формировался отряд. Планируя отступление, Борис вместе с коммунистом Ильей Рыбиным вызвался спилить часть телеграфных столбов, чтобы нарушить телеграфную связь. Выполнив задание, напарники вошли в село и попали в руки врагов. После мучительных пыток «палачи вспороли Борису живот и набили соломой. Мертвого Лосева привязали у развилки дорог с дощечкой на груди «Продразверстка выполнена».

А 28 октября 1968 г., в день 50-й годовщины ВЛКСМ, в березовом сквере Ханты-Мансийска был торжественно открыт памятник Борису Лосеву, а скверу было присвоено его имя.

Рассказывает Гребенщикова Анна Филипповна: «Мама говорила, что в восстании погиб её брат Желтяков Анисим Фёдорович 1902 года рождения. Зимой в 1921 году приехал на отгон хозяин и велел ему срочно вернуться в деревню, собраться, прихватить с собой вилы или топор и поехать в Рошиху. Анисим быстро собрался и уехал. Больше его семья не видела. Его тело не нашли, а может быть не опознали и похоронили вместе со всеми в братской могиле».

Из рассказов Худяковой Олимпиады Артемьевны 1880 года рождения: «В Новопокровке есть братская могила погибших в восстании в Рошихе. Место для захоронения выбрали подальше от деревни, в лесу. Трупы в братской могиле нам не известны: они были обезображены, изуродованы, обмёрзшие. Похоронили в том, в чем они были. Погибли многие. Родственники искали, находили замёрзших снегом, привозили и хоронили. В братской могиле, говорили, что похоронены неопознанные.

Весной могилку подправили, посадили на память на могилке кустик акации. Место для захоронения выбирали тайно, хоронили тоже тайком. Привезли священника из Большой Ченчери, он освятил место для захоронения и нарёк его кладбищем.

Анна Трофимовна провела большую работу по уточнению списков людей, покоящихся в Новопокровской братской могиле.

При содействии главы района Ильи Васильевича Денисова и главы Большеченчерского поселения Михаила Ивановича Худякова на братской могиле 3 ноября 2007 года был установлен памятник жертвам крестьянского восстания 1921 года.

Проделанной работе Анна Трофимовна подвела итог: «Красные и белые, повстанцы и большевики – это представители одного народа, это наши предки. И ими пролитая кровь в войне друг против друга принесла и стране, и нашей Казанской земле одни потери и страдания. Пусть никогда ни в нашей жизни, ни в жизни будущих потомков такие события не повторяются».

«В истории деревни – история страны. Крестьянское восстание 1921 года в трудах И. И. Чашкова»

Сиселятина Надежда Михайловна, методист Казанской центральной районной библиотеки им. И. М. Ермакова МАУ «Казанская районная централизованная библиотечная система».

Вся история России складывается из историй больших и маленьких городов, сел, деревень. И порой изучая историю страны в целом, невозможно представить, что происходило на самом деле, пока не вникнешь в историю отдельно взятого населенного пункта, отдельно взятой семьи. События 1921 года в масштабах государства – это Западно-Сибирское восстание крестьян или кулацко-эсеровский мятеж (как его называли в начале прошлого столетия. А в масштабах деревень, семей, которых эти события коснулись – это братоубийство, горе, страдания, невиданная жестокость с обеих сторон. А коснулись они всех. Прошло 100 лет. Переосмыслились факты, иначе смотрят исследователи и историки на те страшные события. Пришла пора и нам разобраться в причинах и последствиях трагедии. Историю Казанского района и родной деревни Чирки изучал и оставил потомкам свои труды краевед, исследователь Иван Иванович Чашков.

Иван Иванович Чашков родился вскоре после восстания, в 1925 году, шестнадцатым ребенком в крестьянской семье. Его семья одна из тех, кто в полной мере испытал на себе все тяготы, ужасы и страдания, выпавшие на долю крестьянства тех лет.

Простой деревенский мальчишка начал свой трудовой путь подроском в колхозе, прошел войну, награжден орденами и медалями, после войны получил образование, служил в Московском округе ПВО, Главном штабе Войск ПВО в Москве. В звании полковника вышел на пенсию и посвятил себя поисковой работе.

Встречался с односельчанами, записывал воспоминания, работал с документами в Тюменском областном партийном архиве, Тюменском областном центре хранения документов новейшей истории (ТОЦДНИ), в Ишимском филиале государственного архива Тюменской области (ИФГАТО), Омском областном краеведческом музее, Российском государственном военном архиве, в крупнейших библиотеках страны.

Социальную базу восстания практически на 100% составляли крестьянство и казачество. Повстанцы пытались организовать свое движение по образцу регулярной армии. Было создано несколько «армий».

Наступление повстанцев

В Тобольске на тот момент жило много образованных горожан и представителей интеллигенции, и некоторые были приверженцами партии эсеров. Они моментально взяли город под свой контроль и образовали новый орган власти - Крестьянско-Городской совет. Была создана Народная армия, которая устремилась на север Тюменской губернии.

К губернскому центру - Тюмени - банды повстанцев подкатывались на расстояние десятка верст, но взять его не смогли. В Тобольском, Березовском и Сургутском уездах регулярных частей Красной армии не было.

Местным властям приходилось опираться на слабо вооруженные отряды из милиционеров, коммунистов, комсомольцев и сочувствующих. 19 февраля 1921 года по решению местной организации РКП(б) «в силу важных военных событий» был образован Березовский уездный ревком (председатель - А. Сирота). В Сургуте организуется уездный ревком (М.В. Хорохорин, Т.Г. Томингас, А.А. Зорин); в Самарово - «военно-революционный штаб» (начальник штаба Чехомов, начальник гарнизона - Круглов); в Обдорске - Тобольский северный военно-революционный комитет (А.В. Протасов-Жизнев – председатель, члены – П.И. Соунов, И.П. Волков).

Штаб повстанцев, руководимый Ф.Я. Слинкиным, располагался в селе Уват. Первое столкновение красных с приближающимися с юга по Иртышу повстанцами произошло вечером 26 февраля 1921 года у деревни Заводной Реполовской волости. В результате непродолжительной перестрелки повстанцы отошли на 40-50 верст, заняв позиции у села Цингалы. Следующий бой произошел в ночь с 1 на 2 марта. Попытка красных взять штурмом Цингалы закончилась неудачей. Повстанцы ожидали нападения и хорошо подготовились к обороне. Когда красные вошли в село, внезапно из-за домов, хозяйственных построек, полениц дров по ним был открыт сильный ружейный огонь. С потерями нападавшие отступили по льду на другой берег Иртыша. Коммунистические отряды отошли к селу Реполово.

«Крестьянское восстание на севере Тюменской губернии 1921 года»

Южаков Виктор Петрович, *свободный исследователь, кандидат исторических наук.*

В конце января 1921 года на территории Тюменской губернии вспыхнуло Западно-Сибирское крестьянское восстание. После окончания Гражданской войны Советская власть нарушила привычное право сибирского крестьянства свободно распоряжаться продуктами своего труда. Наибольшее недовольство крестьян вызывала политика продразверстки, заключающаяся в изъятии продовольствия. Хотя официально говорилось об изъятии излишков, на самом деле у многих крестьянских семей забирали едва ли не последнее, нанося серьезнейшие удары по их благополучию.

Совет народных комиссаров РСФСР распорядился с 20 июня 1920 года по 1 марта 1921 года изъять в Тюменской губернии – 8,1 млн. пудов хлеба. Всех жителей губернии в возрасте от 18 до 50 лет обязали исполнять повинности по рубке и вывозу леса, а за уклонение от трудовых повинностей следовали жесткие санкции.

31 декабря 1920 г. в Пегановской волости Ишимского уезда произошло собрание женщин, постановившее считать действия по продразверстке незаконными и арестовать продработников. Женщины смогли разоружить отряд продработников из 9 человек.

31 января 1921 г. произошли столкновения крестьян с продотрядами на севере Ишимского уезда Тюменской губернии, в результате которых в селе Челноковском продармейцы убили двоих крестьян, еще двое крестьян получили ранения. Со стороны села Казанское на Ишим двинулся отряд повстанцев с целью захватить город, но был рассеян красноармейцами гарнизона. Восстание через три дня охватило и Ялуторовский уезд. В достаточно короткие сроки восстание распространилось на большинство волостей не только Ишимского и Ялуторовского, но и Березовского, Сургутского, Тобольского, Туринского, Тюменского уездов Тюменской губернии. Численность крестьян, казаков и представителей других социальных групп, участвовавших в восстании, в совокупности перешагнула за 100 тысяч человек.

Его интересовали архивные материалы по вопросам политики коммунистической партии в деревне, материалы газет «Правда», «Беднота», «Рабочий», «Крестьянин».

Написанные И.И.Чашковым 16 книг по истории Казанского района и Чирков, основанные на фактах и документах, хранятся в Казанском краеведческом музее.

Одна из книг посвящена Крестьянскому восстанию 1921 года. В ней И.И. Чашков подробно рассматривает предпосылки, приведшие к восстанию: милитаризацию народного хозяйства, применение воинских частей для решения хозяйственных задач, продразверстки, больше похожие на планомерное истребление крестьянства, трудгужповинность, жестокость и преступления представителей новой власти...

Главной причиной восстания он называет претворение в жизнь идеи о ликвидации частной собственности. Крестьянские хозяйства надлежало разорить, затем на базе общенародной собственности создать коммуны и артели. Но крестьяне не были готовы к таким изменениям, они встали на защиту своих семей, своих устоев.

Восстание, возникшее, как ответная мера на насилие власти, носило стихийный характер. У повстанцев не было ни единого командования, ни единого плана действий. И в то же время оно распространялось по Ишимскому уезду как пожар. В восставших селах создаются сельские штабы, формируются отряды. В волостных селах создаются волостные штабы, которые берут на себя оперативные функции и руководство сельскими штабами и отрядами.

На территории нынешнего Казанского района восстание началось 4 февраля в селах волостных и где были организованы коммуны или артели: Гагарье, Казанское, Ильинка, Дубынка, Селезнево.

В деревне Чирки (или Чирково) не было ни коммуны, ни артели. Продразверстки были выполнены без постороннего нажима. Однако призыв к восстанию чирковские мужики восприняли как общий протест против коммунистов-грабителей и примкнули к восставшим.

Главу о начале восстания И.И. Чашков назвал: «Мечь восставших». Именно мечь. Повстанцы начали свое выступление с разгона продотрядов, разгрома коммун и артелей, убивали коммунистов и коммунаров, арестовывали и убивали членов их семей, комсомольцев.

Применяли непостижимые уму садизм и изуверство: прокалывали людей пиками и вилами, разбивали палками головы, вспарывали животы и набивали зерном, обливали водой и замораживали на холоде, при этом не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, ни своих родных.

В книге собрано большое количество свидетельств, воспоминаний очевидцев.

Мамонтова Анастасия Ивановна, Чирки. «Из Смирное приехали бандиты..., всего 10 человек. Обсудили, кто коммунисты. Забрали..., увезли в Смирное... Собрали женщин: мою мать, бабушку... (других женщин) и повезли по деревням. Мать били палками. Многих женщин убили и дорогой выбросили...

Губарева Никона судили и решили убить. Убили в ограде, топором разрубили голову. Увезли в Михееву рощу и там бросили».

Из воспоминаний Астафьева Григория Яковлевича, Чирки. «Расправившись со своими коммунистами, чирковские повстанцы приехали в Дальнетравное... Всего арестовали 15 человек. Потом их убили и сложили на сани, нижний еще шевелился, в него воткнули пику, добились. Всех увезли в болото Рямовое и сбросили. Весной их нашли, привезли в Дальнетравное и похоронили в братской могиле».

Малахова Ефросинья Степановна, Дальнетравное. «Мы с мужем ездили за сеном на гору за Гагарье. По дороге видели убитых и поставленных в снег раздетыми дочь Шандры Сергея Аксинью и ее мужа Кузьму. После того как красные выгнали мужиков из села, убитых похоронили на старом кладбище в двух братских могилах».

Братские могилы есть практически во всех деревнях Казанского района.

На подавление восстания были брошены войска Красной Армии. Против мужиков с вилами и пиками – вооруженные ружьями и пушками солдаты.

На основании архивных данных, распоряжений, донесений, материалов газет тех лет, краевед буквально по дням восстанавливает ход военных событий в Чирках, ближайших селах, Ишиме.

Так 9 февраля Ишимский уездный исполком издает приказ №9, где среди прочего говорится: «...За убийства коммунистов... за каждого одного расстреливать 10 человек... Всякое противодействие будет подавлено вплоть до уничтожения отдельных деревень с применением пулеметного и орудийного огня».

«Отвоёванная Россия» не смотря на то, что по объёму превосходит роман Лагунова в несколько раз, соперничать с ним не может. И хотя в период работы Васильева над своим романом уже не было цензуры, и автор мог писать беспристрастно, Анатолий Иванович сделал крен в другую сторону. Используя сохранившиеся в Ишимском музее документы, автор в основном ограничился только ими и дневниковыми записями представительницы дворянского рода Стефании Витольдовы-Лютык, переданным автору епископом Ишимским и Всесибирским Евтихием. Третью часть книги составляют воспоминания Татьяны Белым, пережившей продразвёрстку, арест мужа и высылку из родных мест и потому не претендующей на беспристрастность.

Мы на эту тему говорили с Анатолием Ивановичем, что роман опять получился однобоким, но он объяснил это своим видением ситуации, обвиняя в жестокостях только большевиков, хотя в такой войне жестокость проявляется одинаково обеими сторонами.

К недостаткам произведения я бы отнёс и то, что автор включил в него дневники и воспоминания без литературной правки, что не делает роман высокохудожественным с позиции стилистики.

А теперь о других произведениях об этом времени. Всероссийскую известность принес омскому писателю Михаилу Шангину роман «Ни креста, ни камня» об Ишимском восстании крестьян и казаков в 1921 году. За это произведение в 2000 году решением Союза писателей России писателю была присуждена литературная премия имени М.А. Шолохова.

Есть ещё повесть «Мятеж» нижевартовца Николая Смирнова, изданная в местной типографии малым, есть повесть Баннова «По нехоженным тропам», сборник публицистических очерков и документальный фильм «Генерал крестьянской рати» Ольги Ожгибесовой, а также стостраничный роман Николая Олькова «Гриша Атаманов», написанный опять же по документам Ишимского музея, и подвергнутый резкой критике в газете «Литературная Россия» и различных интернет-изданиях за большое количество вольного трактования событий и указанных рецензентом глупостей. Вот, пожалуй, и всё, созданное писателями об этом крупнейшем в истории советской России восстании. Так что работать есть над чем.

Первым из тюменских писателей о контрреволюционном кулацко-эсеровском мятеже, как его тогда было принято называть, написал к 70-летию Великого Октября Константин Лагунов. Его роман «Красные петухи», конечно же, в условиях цензуры не мог в полной мере отразить причины восстания и его широчайший размах, заставил автора следовать принятой идеологии, тем не менее, стал произведением, всколыхнувшим армию читателей. Как писал доктор исторических наук Дмитрий Игнатьевич Копылов, роман Константина Лагунова «Красные петухи» написан с классовых, партийных позиций, написан настоящему горячо и страстно.

Учёный отмечает, что причины мятежа раскрываются в романе в полном согласии с историческими фактами. «Организаторы мятежа воспользовались просчетами и ошибками, допущенными при проведении продразверстки. При разверстке по хозяйствам нарушался порой классовый принцип обложения, чему немало способствовали чуждые элементы, засевшие в аппаратах местных Советов и продорганов.

Получив задание, отдельные продработники стремились выполнить его любой ценой, нарушали революционную законность. По сигналам коммунистов Советская власть сурово карала преступников, но эти меры нередко запаздывали». Дмитрий Копылов, анализируя произведение Константина Лагунова, также отмечает, что «создавая образы сибирских большевиков, беспредельно преданных делу революции и готовых ценой своей жизни защитить ее завоевания, автор не идеализирует своих героев. Правдиво и честно рассказывает он и об их упущениях и ошибках, которых трудно было избежать в сложной, полной острейших противоречий ситуации, сложившейся в сибирской деревне на исходе периода военного коммунизма».

Отмечу, что написан роман талантливо, как большинство произведений одного из ведущих тюменских писателей Константина Лагунова. И хотя произведение создано в условиях цензуры и потому не может беспристрастно отражать трагические события, вынужденно принимая позицию государственной идеологии, этот роман остаётся по своей силе и значению не превзойдённым, хотя, на мой взгляд, и не стал романом эпохальным.

При всём моём уважении к поэту, прозаику, автору исторических романов Анатолию Васильеву, который оставил заметный след в литературном наследии тюменского края, его

В воспоминаниях очевидцев есть данные о пушечном обстреле Чирков, Дальнетравное, других деревень. Ожесточенные бои проходили за каждую деревню. Они продолжались до апреля. Ценой десятков тысяч жизней в начале апреля восстание было подавлено.

Подводя итоги, И.И. Чашков написал: «Восстание вылилось в самоуничтожение крестьянства. Мужики в сермягах и мужики в серых шинелях убивали друг друга. В результате был уничтожен слой самых молодых и работоспособных мужчин на селе. Потери были огромны...».

События столетней давности до сих пор оцениваются неоднозначно, но ясно одно, что это величайшая трагедия нашего народа. Мы должны знать свою историю, чтобы не допустить повторения. В изучение истории своей малой родины Иван Иванович Чашков внес неоценимый вклад.

Список литературы

1. Чашков И.И. Истоки судьбы / И.И. Чашков. – М., - 1987.
2. Чашков И.И. Страдный путь: сборник в 13 книгах / И.И. Чашков. – М., - 1989-1998.

«Западно – Сибирское крестьянское восстание 1921 года: современный взгляд. Историография вопроса»

Фоминцев Евгений Валерьевич, *учитель истории МАОУ Новоселезнёвская средняя общеобразовательная школа.*

Западно-Сибирское восстание было самым массовым и самым масштабным вооружённым выступлением крестьян против политики большевиков. Не смотря на многие попытки изучить это событие, сто лет спустя про него известно гораздо меньше, чем про Тамбовское или Кронштадтское восстания.

К настоящему времени имеется довольно значительный объём исследовательской литературы, в которой история Западно-Сибирского мятежа нашла свое отражение.

Эта литература создавалась в разное время, отличавшееся политико-идеологическими условиями научной деятельности. Как следствие, в публикациях появилось много не только не совпадающих, но даже и прямо противоположных точек зрения.

Начало изучению данной темы было положено в 1920-е – начале 1930-х гг. непосредственными участниками и свидетелями происходивших событий, как правило, командирами Красной армии, политработниками. Например, статья К. Хейфеца «Белый бандитизм». Авторы ставили своей задачей реконструировать хронологию событий, отметить заслуги своих товарищей в подавлении «контрреволюции».

Основное внимание исследователей советского периода концентрировалось на освещении причин восстания, состава его руководителей и участников, классового характера и политической направленности повстанческого движения, хода боевых действий обеих сторон и непосредственных результатов мятежа. Причем акцент явно делался на освещении военной стороны события: были выявлены главные очаги мятежа и примерно определена численность повстанцев в этих районах, поименно названы некоторые руководители восстания, даны сведения о частях Красной армии, принимавших участие в подавлении мятежа, приведены потери сторон в ряде боев. В советской литературе последовательно проводилась мысль о том, что мятежники были хорошо организованы и вооружены. В частности, Богданов в работе «Разгром Ишимско-Петропавловского мятежа 1921 г» утверждал, что «весь район мятежа был разбит на 4 фронта», что командовали фронтами и армиями бывшие царские и колчаковские офицеры, что едва ли не половина рядовых повстанцев имела на вооружении винтовки.

Действия мятежников изображались исключительно негативно и квалифицировались как политический и уголовный бандитизм. Авторы концентрировали внимание в основном на терроре повстанцев против коммунистов, разграблении ссыльных пунктов и колхозов, разрушении линии железной дороги и средств связи. Что же касается «красной» стороны, то ее действия освещались и интерпретировались исключительно в позитивном ключе. Показывалось героическое поведение коммунистов и красноармейцев в боях, их гуманность по отношению к мирному населению и пленным повстанцам.

Таким образом, если рассматривать все работы советского периода по указанной проблематике, то можно выделить в них ряд стереотипов.

Ишимское крестьянское восстание 1921 года в произведениях тюменских писателей

Иванов Леонид Кириллович, доктор политических наук, действительный член Академии российской литературы, секретарь Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ.

Не в обиду учёным-историкам будь сказано, но о важнейших событиях в истории большинство людей узнаёт коротко из школьных учебников и более полно – их художественных произведений или снятых по ним фильмов. Да, писатели тоже работают в архивах, читают научные статьи, изучают монографии и на основе полученных сведений сочиняют свои романы, по которым потом миллионы, в наше время – тысячи, читателей узнают подробности описываемой эпохи или событий.

Скажите, кто из присутствующих в зале, например, об Отечественной войне 1812 года узнал из монографий. Может быть, несколько человек читали нашумевший труд Евгения Понасенкова, зато «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого, если и не осилили целиком, то хоть какую-то часть читали или хотя бы слышали. По крайней мере, фильм смотрело подавляющее большинство.

Поэтому мы, писатели, в большом долгу перед своими читателями и перед историей, что нет у нас эпохального произведения об освоении недр Западной Сибири, и нет столь же мощного романа об Ишимском восстании 1921 года, как «Поднята целина» Шолохова. Да и вообще об этом восстании, в котором приняло участие, по некоторым данным, около 200 тысяч человек, знают в России крайне мало. Хотя в Западной Сибири написано и опубликовано без малого две сотни статей, в том числе ведущих учёных и краеведов.

Больше внимания уделялось Кронштадтскому восстанию и восстанию в Тамбовской губернии, хотя в Тамбовском принимало участие восставших примерно в 4 раза меньше, чем в Ишимском. Думаю, о них больше писали ещё и потому, что в их подавлении, в том и другом, принимал участие Тухачевский.

8. Лоткин И.В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.): дисс. ... д.ист.н. Омск, 2012.
9. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009.
10. Уразалеев Р.Ф. Отражение эпизодов гражданской войны в Сибири в фольклоре курдакско-саргатских татар // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Ч. 2. Омск, 2002.
11. Прибыльский Ю.П., Аксарин В.В. На стремнине жизни: Прошлое и настоящее водников Обь-Иртышья. Тюмень, 2010. С. 57, 60-63.
12. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: [в 2 т.]. М., 2000. Т. 1. С. 35, 107, 112, 230, 240, 268, 327, 344, 349, 394, 432; 2001. Т. 2. С. 27, 29; 40, 66, 101, 117, 150, 152, 187, 192, 236, 238, 252, 275, 282, 309, 326, 361, 403, 407, 442, 460, 501, 534, 559.
13. Солодова Т.И. Активизация еврейского населения в послереволюционные годы в Тобольске (по материалам местных газет) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. С. 81.
14. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы. Новосибирск, 2009. С. 62-63, 78-79, 161.
15. ГУТО «ГАТО» Ф. 2. Оп. 1. Д. 427. Л. 87.
16. ГУТО «ГАСПИТО». Ф. 1. Оп. 1. Д. 728. Л. 54; Ф. 29. Оп. 1. Д. 62. Л. 20.
17. <http://www.eleven.co.il/article/13784>.
18. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

- 1) Все проблемы рассматривались через призму классового противостояния «трудящихся» и «эксплуататоров».
- 2) Тематика исследований была ограниченной. Основное внимание уделялось борьбе с «контрреволюционными» режимами.
- 3) Ошибки и тем более преступления, совершенные представителями коммунистической власти, замалчивались.

Новый этап в изучении темы наступает с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Начало этому процессу положили публикации К.Я. Лагунова и А. А. Петрушина, написанные с использованием ряда источников, хранившихся в архиве управления Федеральной службы безопасности по Тюменской области. В этот период меняется взгляд исследователей на события. Если ранее восстание рассматривалось как эссеро-кулацкий мятеж против власти, и активный участник его ликвидации Платон Лопарев выглядел героем - защитником, то теперь на поверхность поднимаются преступления красных и происходит разоблачение «героических» заслуг Лопарева. Например, в книге Петрушина А.А. «На задворках Гражданской войны».

В публикациях К.Я. Лагунова впервые дана картина того насилия, которое учинили продработники в тюменской деревне. Лагунов ввел в научный оборот многочисленные свидетельства крестьян, сельских коммунистов и советских работников, утверждавших, что по преступности деяний и жестокости поведения посланцы города в деревне превзошли колчаковских карателей. Последние годы ознаменовались заметной активизацией исследовательского интереса к истории Западно-Сибирского восстания.

Современные исследователи, оппонировав советской историографии, считают, что восстание носило стихийный характер. Например, кандидат исторических наук, доцент ТюмГУ в Ишиме Игорь Курышев пишет о повстанцах: «Они хотели, чтобы больше недовольных присоединилось к выступлению, чтобы это привело к уничтожению военно-коммунистических порядков. Оружия у крестьян было очень мало, в основном дробовики, пики, которые ковались в деревенских кузницах, отбитые случайно или взятые в качестве трофеев в населенных пунктах редкие трехлинейные винтовки. Вилы, холодное оружие, словом, всё, что было под рукой.» Неорганизованность и слабое вооружение крестьян подтверждается и воспоминаниями наших земляков, жителей деревни Покровка, собранными краеведом Анной Трофимовной Дегтяревой.

Таким образом, мы видим, что с течением времени менялось отношение исследователей к восставшим: из мятежников-повстанцев на начальном этапе они постепенно переходили в роль борцов народной войны за правду и справедливость. Хочется надеяться, что исследователи пойдут дальше и глубже в изучении Западно-Сибирского восстания 1921 года, и смогут создать его полномасштабную и объективную картину.

Список используемой литературы.

1. Хейфец К. Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история нарымско-сургутского бандитизма) // Былое Сибири. Томск. 1923. № 2. С. 84–91
2. Богданов М. А. Разгром Ишимско-Петропавловского мятежа 1921 г. // Уч. зап. Ишимского гос. пед. института. Тюмень, 1959, т.13. вып.4.
- 3.Лагунов К. Двадцать первый. Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991.
4. Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. Тюмень, 2004. Кн. 2
5. За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.). Сборник документов. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. Т.2 (1920–1921). Документы. М., 2001.

Отражение событий крестьянского восстания в произведении Ольги Ожгибесовой «Мы, крестьяне Великой Сибири»

Шлегель Екатерина Сергеевна, учащаяся 8 класса МАОУ Новоселзневская средняя общеобразовательная школа.

В этом году исполняется 100 лет со времени крестьянского восстания на территории Западной Сибири.

Прошли годы и десятилетия, но сам факт крестьянской войны и сегодня интересует многих русских и зарубежных историков, журналистов, писателей и всех тех, кто хочет знать правду о довольно примечательном событии нашей истории.

Предчувствуя перемены, жившие в селениях Яланкуль, Каракуль и других сибирские бухарцы тоже решили эмигрировать, а причиной назвали не только желание переселиться к землякам в Турцию, но и опасаясь преследований за веру. Власти сорвали эмиграцию, а иных из активистов репрессировали.

Итог

Волнения 1920–1921 г. подавлены с огромными жертвами, но советская власть не извлекла «уроков». В январе 1922 г. Безруковский волостной комитет РКП /б/, например, запросил от уездной власти разъяснение: почему «отряд товарища Голенайтиса берёт продналог даже с беднейшего населения?».

Социализм в том варианте, что реализовывался в стране – строй директивный, где коммунистическая партия должна идеологически обеспечить, а органы советской власти – преодолеть препятствия на пути построения системы, которая, в свою очередь, не предусматривала наличие третьей, сверхъестественной силы – божественной, и упорно с этим боролась на всех этапах своей истории.

1. Васильев А.И. Отвоёванная Россия: книга воспоминаний и документов. Тюмень, 2011.
- 2.Гарифуллин И.Б., Кабдулвахитов К.Б., Ярков А.П. «Мусульманский» аспект в «сибирских крестьянских восстаниях» периода утверждения советской власти (1917–1921 гг.) // 1937 год: память и уроки: мат. межрегион. конф. Тюмень, 2007. С. 20–24.
- 3.Закирова И.Г. Современный фольклор сибирских татар: образы и сюжеты (по материалам фольклорной экспедиции в Вагайском р-не Тюменской области) // Тюркские народы: мат. V Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002.
- 4.Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 3. М., 2015.
- 5.История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1. С. 310; Т. 2. С. 28–31.
- 6.Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов. Тюмень, 2005.
- 7.Курышев И.В. О социальном поведении участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Государственная власть и российское крестьянство в годы революции и гражданской войны. Ишим, 2001.

Овощей и медикаментов нет. Мятежники сорвали навигацию».

Теснимые не только на севере, но и на юге, повстанцы стали уходить к границе. Согласно приказу красноармейцы должны были их преследовать. Но вместо того в поселке Михайловский занялись мародёрством, разграбив церковь.

Восстания, совпавшие с обрушившимся на страну голодом, сильно подорвали экономику: 20 февраля 1922 г. на омском рынке мука стоила 4,5-5 млн. руб. за пуд. План продрозвёрстки окончательно провален (выполнен по Сибири на 75 %), а введение продналога отложено. Да и он оказался сложнее в исполнении, в ряде случаев сопровождаясь репрессиями: «Добиваться от арестованных подписки исполнения 100 % налога в твёрдый срок, по получении подписок арестованных выпускать, но вести учёт подпискам и неослабное наблюдение за выполнением».

Ощущая всю совокупность «бед», латыши, литовцы, латгалцы, эстонцы, немцы, поляки стали эмигрировать. Если в 1920 г. оптировали эстонское гражданство (по данным Сибревкома) 4 807 чел., то через год уже 6 406 чел. Если в 1920 г. в Омской губернии проживало 2 428 литовцев, то в 1924 г. в крае (по данным того же Сибревкома) осталось 310 литовцев, из которых 294 чел. – в Алтайской губернии. Воспользовались возможностью эмигрировать и другие: из 6 824 чел., завизировавших документы для въезда в Латвию с 1 апреля по 25 ноября 1922 г. латыши составляли 79,7 %, евреи – 5,4 %, поляки – 3,7 %, немцы – 2,1 %. Были среди них и русские – 8,8 %, доказавшие наличие родственных связей в Латвии. Правом на оптацию в Польшу воспользовалось 6 977 чел., преимущественно крестьяне.

Ещё дальше – в Германию, Китай и Америку устремились меннониты (нередко уже именуясь немцами), поскольку их сибирские колонии «не оправались от опустошительных продовольственных кампаний и от ряда неурожайных годов». Немецкие хозяйства в 1922 г. сократили посеы вдвое. Разоряли хозяйства таких как меннонит И. Варкетин за то, что вёл «контрреволюционную агитацию между кулаками Ново-Тимофеевской волости». Всё движимое и недвижимое имущество в его имении передано вновь организованной артели «Красное эхо». Через полгода в той же волости из поселка Новопольский при поддержке властей выселены все меннониты под предлогом – «занимаются наживой». При том, что в конфликте политических сил они не принимали участия. Просто артели «Красное эхо» понадобилась возделанная ими земля, сельхозорудия, дома и постройки...

До сих пор нет единого мнения и среди людей, чьи предки стали свидетелями, а порой и активными участниками той народной войны за правду и справедливость. И сторонники восставших, и сторонники тех, кто подавлял восстание, имеют свои суждения, которые основаны на семейных преданиях. Основаны на людской памяти.

Я думаю, именно поэтому такой важный исторический пласт должен быть непредвзято изучен. Для начала поинтересовалась, а знают ли учащиеся нашей школы об этом восстании. Мной был проведён опрос среди учащихся 7 -11 классов нашей школы. Было предложено два вопроса: Знаете ли Вы, что такое «крестьянское восстание»? «Можете ли вы назвать, когда оно проходило? Данные анкетирования предоставлены в таблице на слайде.

Вопросы	Да (%)	Нет (%)
1.Знаете ли Вы, что такое «крестьянское восстание»?	34	66
2.Можете ли вы назвать когда оно проходило?	10	90

Из данных таблицы видно, что события времён крестьянского восстания остаются малоизученными, поэтому я считаю данный вопрос актуальным и назревшим. Мне стало интересно, а где же проходило в нашем Казанском районе, в каких деревнях, кого коснулось, кто был участниками этого восстания, судьбы конкретных людей – участников движения?

Ответы на все эти вопросы я нашла в произведении Тюменской писательницы, члена союзов журналистов и писателей России Ольги Ожгибесовой. Это художественно-документальная повесть «Мы, крестьяне Великой Сибири ...». Это жестокое, но правдивое свидетельство о событиях, происходивших на территории Тюменской области.

Западно-Сибирское крестьянское восстание является одним из крупнейших событий гражданской войны. Оно началось 31 января 1921 года в северных волостях Ишимского уезда Тюменской губернии и к середине февраля охватило почти всю Тюменскую

губернию, значительную часть Омской, Курганский уезд Челябинской губернии, Камышловский и Шадринский уезды Екатеринбургской губерний, затем распространилось до районов нижнего течения Оби.

Из этого произведения мы узнаем, что зачинщиками восстания в Ишимском уезде, как бы парадоксально это не звучало, стали женщины. В Тюменском областном архиве социально-политической истории хранятся неизданные рукописи Павла Алексеевича Россомахина, участника событий 1921 года. Вот что он пишет: «История бандитизма в Тюменской губернии такова: 29 декабря 1920 года в Ишимском и Ялуторовском уездах началось женское движение против продовольственников». Воевать с красноармейцами деревенские бабы не собирались. Но и смотреть на то, как отбирали последнее, обрекая на голод стариков и детей, тоже не могли.

На территории Казанского района, входившего в Ишимский уезд, выступления крестьян начались в феврале 1921 года в селах Огнёво, Гагарье, Большие Ярки, Ильинка, Дубынка, Казанское. Ничего удивительного в этом не было: крестьяне воевали за свои дома, за свою землю, своих жён и детей. «Бежать некуда. Остаётся только умереть... Дайте возможность не только умереть, но и победить» - в этих словах крестьянина В.Тоскаева из деревни Песьяное, чудом сохранившихся в архиве, - та главная, сокровенная идея, заставляющая сибирских мужиков вгрызаться в землю под артиллерийским и пулемётным огнём, захлебываться кровью, умирать на земле, свободу которой они готовы были отстаивать ценой собственной жизни.

Страшная трагедия разыгралась в то время и в селе Дубынка, где зимой 1920 года была организована первая на территории Казанского района коммуна «Заря». Коммунары переселились за два километра и жили по-новому, не соблюдая обычаев. Один из коммунаров взял в жёны дочь зажиточного крестьянина, девушка ушла без благословения и без венчанного брака. Когда началось восстание, всех коммунаров пригнали в Дубынку, и отец собственноручно зарубил свою дочь. А 144 человека были убиты на площади села. Подобных фактов жестоких расправ можно привести множество. Это был жест обманутых и ограбленных сибирских крестьян. Они все жертвы: и те, кто был убит, и те, кто убивал. Всего во время восстания погибло около ста тысяч человек – восставших крестьян, а также коммунаров, коммунистов и других сторонников Советской власти.

Повстанцы 4 апреля вошли в Обдорск, арестовали тех, кто не успел уйти, пошли вдогонку красным. Власть мятежников распространилась на Ямал почти на два месяца: созданы Комитеты общественной безопасности и вооружённый отряд, проведены выборы. Например, бывшего эсера и выдающегося исследователя Севера Г. Дмитриева-Садовникова избрали председателем местного Совета в посёлке Хэ. Местным жителям обещали отмену продразвёрстки, возвращение утраченного. Реквизированное у П. Туркова имущество возвратили семье (вернувшиеся красные его вновь отобрали).

Советская власть очень опасалась появления «Северного фронта». Поэтому направила из Тобольска Северный отряд под командованием комиссара 232-го полка поляка Я. Судниковича. С 26 мая мятежники стали уходить из Обдорска в ямальскую тундру, в устье Малой Оби и в верховья Обской губы. Зная, что в Карской товарообменной экспедиции 1921 г. принимают участие иностранные суда, «бунтовщики» рассчитывали на эвакуацию. Была, полагаем, и надежда, что удастся захватить и суда под советским флагом, переагитировав команды. Не удалось, и теснимые красными, они отступили за Уральские горы. А в то время Хэнскому волисполкому предписали провести перепись всех ушедших с повстанцами людей, составить списки погибших и утраченного имущества, скота.

В боях в составе Северного экспедиционного отряда П. Лопарева участвовали ханты П. Вахрушев и В. Соколов из Малого Атлыма. Впрочем, поддержки аборигенов ни командир, ни «красные ханты» не почувствовали – у тех сохранялись предубеждения, основанные на воспоминаниях о чоновцах.

Не уступали в жестокости и беззаконии органы «прежневной» власти и на севере. В том же Хэ 19 августа пьяный председатель ревкома Протасов-Жизнев расстрелял председателя поселкового Совета Г. Дмитриева-Садовникова. Маргиналы, составлявшие существенную часть руководства и отрядов продармейцев, с введением продналога утратили привилегии времён «военного коммунизма». Они и составили основу «красного бандитизма», разразившегося в Сибири летом 1921 г.

Почти эпилог

«Итоги» восстаний оказались плачевны не только в понесённых жертвах, но и обнаружившихся на зиму «перспективах»: «Население Обдорского района обеспечено хлебом до 1 апреля будущего года по 20 фунтов на человека в месяц.

Финкельберг, Церешкович, Бляхман, зампред уисполкома В.Гозак, сотрудник железной дороги Кјнторович, актёр Матрос. С участием татар и бухарцев Истяцких, Ашлыкских и Бегитинских юрт 21 февраля был занят Тобольск, где власть взял в свои руки временный городской совет. В его составе оказался и подданный Польши дворянин О.В. Новодворский. Стремясь снизить накал страстей, совет даже потребовал разобраться с правомерностью арестов.

В результате из 53 чел. отпущены на свободу 50, среди них и престарелый отец видного большевика З. Лобкова – Иуда.

Трагические события произошли в старейшей прибалтийской колонии Сибири – Рыжково, расколов её на два лагеря.

Ситуация на Крайнем Севере

Богатые промысловики и ремесленники, купцы и шаманы в купе оценивались большевиками как «классовые» враги и дискриминировались. Обеспокоенность от возможного разорения была высока и среди зажиточных оленеводов, а прибывшие с юга карательные отряды фактически «подогрели» антибольшевистские настроения.

В ответ в Обдорске 20 февраля создан Северный ревком (его глава – А. Протасов-Жизнев), чьи директивы отличались непомерной жесткостью. При отступлении из Берёзово ЧОНовцы комиссара Данилова не только реквизируют золото, деньги, меха, но и взорвали 400 пудов пороха. Ни местным обывателям – любителям охоты, ни промысловикам из ханты и манси оказалось нечем снаряжаться. У кочевников, к тому же, сожгли более 400 построек. На реке Щучьей уничтожены запасы сельди, 600 постелей из оленьих шкур. Когда в районе Кушевата неизвестные спилили телеграфные столбы, то 9 из 16 взятых заложников расстреляли. Расправились с зажиточным рыбопромышленником из посёлка Хэ П. Турковым и его сыном, реквизируя имущество.

Власть была переменчива. 1 апреля коммунисты и им сочувствовавшие из Обдорска (около 500 чел.) под напором «Первого тобольского добровольческого отряда Северных орлов Народной повстанческой армии» стали эвакуироваться на Ямальский полуостров и через Уральские горы уходить на запад. Попутно они реквизируют оленей, пушнину, драгоценности, что вызывало недовольство тундровиков.

На территории Казанского района установлено много памятников, которые помогают нам не забывать о том ужасном времени. Крестьянское восстание в Западной Сибири 1921г., его последствия - это не только огромная трагедия для всей России, но и очень важный, незабываемый урок, призывающий к согласию, к разрешению всех острых проблем только мирным путём.

Я считаю, что мы должны знать историю нашей малой родины, потому что без прошлого не может быть настоящего.

О «движущих силах» восстания

Ярков Александр Павлович, профессор ТюмГУ, доктор исторических наук Тюменского государственного университета / **Лоткин Илья Викторович**, профессор ОГУПТ, доктор исторических наук Омского государственного университета путей сообщения.

Аннотация.

Явная или скрытая борьба против советской власти оказались частью общего (а не этнически или конфессионально избирательного) сопротивления диктатуре. Это нашло отражение в восстаниях 1920–1921 гг. Они не являлись только крестьянскими: среди участников – представители разных социальных слоев. Зона действия – Сибирь и Северный Казахстан.

Annotation. Explicit or hidden struggle against the Soviets were part of an overall (not ethnically or religiously electoral) of resistance to dictatorship. This is reflected in the rebellion of 1920–1921, it was not only the peasant: among the participants, representatives of different social strata.

Ключевые слова. Восстания 1920–1921 гг., Сибирь и Северный Казахстан, полиэтноконфессиональный состав, психологические стереотипы и образы.

Key words. The rebellions of 1920–1921, polietnokonfessional composition, psychological stereotypes and images.

Препамбула

События захватили не только Сибирь. Участвовали в совместных действиях жители Восточного и Северного Казахстана. Тогда административное разделение территории между РСФСР и Киргизской (Казахской) АССР уже оформилось, но

«коллективное бессознательное» воспринимало регион и его население как целое и неделимое, где «Россия – за Уралом». Поэтому наименования восстания «Западно-сибирское / Ишимское» не соответствуют реалиям.

По поводу крестьянской компоненты. Безусловно, хлеборобы из славян стали главной жертвой продрозвёрстки и движущей силой «мятежа» против идеи и практики «военного коммунизма». Но там были представлены разные группы населения, включая кочевников. Вопросы «продрозвёрстки» для них, как и для промышленников, учителей были «не так актуальны».

Основная же причина событий, считают исследователи, – заявка большевиков на монополию власти и убеждённость в правильности политики «военного коммунизма».

Враги и союзники

В поле нашего внимания – воевавшие по обе стороны «баррикад» представители разных этносов и конфессий. Случалось, что «межа» проходила не только среди соплеменников, но и по семьям.

В этой связи: нельзя рассматривать какой-либо этнос или конфессию вне общей ситуации. Как нельзя и не заметить: кроме русских, имелись и другие «краски» на этнической «палитре» тех событий.

Своеобразным был и конфессиональный (по убеждению или уже только по происхождению) состав участников: православные, мусульмане, протестанты, католики, иудеи, шаманисты и «язычники». Объяснение – в специфической среде, где этносы или конфессиональные сообщества сформировались, и в том историческом пути, по которому они шли.

Гражданская война «укатила» из Западной Сибири и Северного Казахстана на восток осенью 1919 г. (в Бухтарминский край советская власть пришла лишь в декабре), но кризисные явления усилились, особенно в районах вокруг Транссибирской магистрали и «красно-зелёного» партизанского движения, уже весной 1920 г. повернувшего оружие против советской власти. И чем дальше от магистрали, тем причудливее сюжеты и судьбы...

Этническая и конфессиональная принадлежность – одна из культурно-нравственных основ человеческой природы, в обретении психологического равновесия противопоставляя образы «Мы» и «Не - мы».

Встречались и бывшие большевики и активисты из нерусских: среди командиров повстанческих отрядов, например, оказался и бывший председатель ячейки РКП /б/ и бывший военком Троицкой волости Петропавловского уезда Т. Лидберг. Ставший учителем советской школы бывший мулла З.М. Мирвалев в штабе повстанцев стал пропагандистом и редактировал газету, выпускал листовки, проводил собрания.

В том же уезде в селе Соколовском выдвинулся уроженец Ковенской губернии поляк В.Л. Пужевский.

Еврейская компонента событий

Вышло и обращение «От рабочих и служащих гор. Тобольска к Народной армии и ко всему трудовому крестьянству», где замечено: «...как оживились с восстанием все черносотенные элементы ... как громко раздаются голоса старых царских защитников, натравливающих татар на русских, русских на евреев».

Любопытно, что в списках жертвователей на нужды Народной армии была еврейская община Тобольска, собравшая 133 тыс. руб. Большой вклад внесла только Городовая волость – 249 тыс. руб.

Нельзя идеализировать ситуацию в «еврейском вопросе»: Воззвание Лопушинского повстанческого штаба говорило о большевиках: «Они, не признававшие Бога, хотели и детей наших заставить забыть Его. Они – враги наши. Кто был в их партии? Одни воры, вечные лентяи и грабители и вообще самый негодный элемент. Кто был их вождь? Жид Троцкий, а все жида с Рождества Христова – враги православного люда. Что ждало нас при их власти? Нас ждала гибель».

В Ишимском уезде в разгар событий встречались листовки: «жидовское советское правительство забирает хлеб и отправляет его в Палестину в жидовское царство». По Тобольску в апреле прошел слух, что арестован «заподозренный в еврействе» и убит прапорщик Шмидт. В Тюмени и некоторых других местах распространялись листовки с призывами: «Долой евреев!», «Долой еврейскую власть!».

Между тем, зажиточным евреям, подобным торговцам из Костаная Д. Левину, Л. Моисенко «было что терять», а среди активных повстанцев указаны Л. Главский, А. Завгородный, И. Фозаком (бывший военнопленный, ставший первоначально красноармейцем) и другие. С другой стороны, среди погибших в г. Петропавловске от руки восставших, были сотрудники уездного комитета ВКП/б/

Сотрудник тюменской губернской газеты на татарском языке «Искры пролетариата» (хотя татар-пролетариев мало) Х.Х. Ярми, губпродкомиссар Г.С. Инденбаум, военком Я.Я. Пеиче, упродкомиссар Грюнберг, его заместители Я.З. Майерс и С.А. Полякевич были разного этнического происхождения, но их объединяла с русскими большевиками и «интернационалистами» не только коммунистическая идея, но и конкретная задача – провести развёрстку успешно и в короткие сроки.

Кризисная фаза отражает ту степень кризиса, которую уже невозможно разрешить мирным путём. Именно в ответ на поборы, грозящие голодом (биологической потребности) и обнищанием (материальной потребности), моральное унижение (социальная потребность) в начале 1921 г. в русских и украинских деревнях, татарских юртах, казахских аилах, эстонских хуторах прежняя латентная напряженность переросла в открытое и коллективное сопротивление.

Реагируя на острую ситуацию с развёрсткой и огромное возбуждение масс от разбойных «подвигов» продработников, заработали военные трибуналы. Перед этим Сиббюро ВКП /б/ вынесло секретное решение: «Надо было соединить на скамье сугубо виновных – чекиста, продовольственника и бунтовщика».

В борьбе участвовали представители разных социальных групп – крестьяне и кочевники, бывшие офицеры, купцы и рабочие, совслужащие и казаки. Многие служители культа были с восставшими, которые нуждались в духовном окормлении. В секретном докладе Сиббюро ЦК ВКП /б/ было сказано: «Сила наша в психологическом эффекте, создаваемом нашим нажимом». Среди подобных «психологических» действий была и казнь значимых лиц: 17 февраля 1921 г. вместе с казаками был расстрелян епископ Петропавловский и Акмолинский Мефодий (М. Краснопёров).

Рассказывая о смерти казаков станицы Имантаевской, повстанцы взывали к религиозным чувствам: «Граждане, это все действительная истина, всё это освидетельствовано при понятых, как изверги-коммунисты вменяют свои нечеловеческие мучительные для людей пытки, и каждый истинный гражданин не позволит себе такого зверства и обращения со своим собратом, по крайней мере по религии, а потому изверги-коммунисты даже не достойны звания человека, а скорее звери, жаждущие и уже напившиеся крови своих же братьев».

Это нашло разное воплощение в ментальности и социальном поведении конкретного человека, который иногда, в силу обстоятельств, отказывался от принадлежности, менял её (меннониты ~ голландцы ~ немцы ~ меннониты) или вообще игнорировал. Так, в Воззвании штаба крестьянско-казацкой повстанческой армии от 5 августа 1920 г. сказано: «За советскую власть против коммуны, против грабительской власти насильников – вот за что восстали мы, крестьяне и казаки Семипалатинской области.

Довольно крови и насилия, довольно тюрем и расстрелов. За мир, за порядок, за справедливость поднялись мы и с оружием в руках решили или умереть, или сбросить ненавистную жидовскую коммуну, Кто за то, чтобы русский народ сам правил свою власть, чтобы власть эта была действительно в народных руках, чтобы нашей жизнью и достоянием распоряжались не мадьяры и другие иностранцы, а свои, русские люди, выборные от народа – тот иди в наши ряды. С оружием в руках против коммуны за народную советскую власть». Как видим – для этих представителей «народной советской власти «врагами» были названы евреи, венгры «и другие иностранцы».

Напротив, для большевистской партии, кроме белогвардейцев, «внутренними врагами» стали все, без исключения, институты Римско-Католической и Русской Православной Церквей. По отношению к протестантским деноминациям, буддистам, шаманистам отношение – нейтральное. Признаем, что в то время отношение русских к нерусским часто складывалось из предрассудков и критерия их связи с европейской цивилизацией и христианством. Не случайны используемые в Воззвании повстанцев образы: «В с. Соколовское пойман коммунист, из документов которого выяснено, что он делегирован из Москвы относительно Варфоломеевской ночи, и [они собираются] вырезать крестьян и рабочих 75 %». Между тем отношение части православных сибиряков к различным институтам и ритуалам Церкви было уже весьма отстранённым. Изменилась и позиция священников. Так, после разгрома Кольванского восстания летом 1920 г. власти доносили: «Духовенство, в своей массе, было на стороне повстанцев, но, наученное горьким прошлым опытом, воздержалось от активности, хотя отдельные служители культа и выступали в роли проповедников-агитаторов, служили молебны о даровании побед повстанцам, в отдельных случаях принимали живое участие в вербовке добровольцев и вылавливании коммунистов».

Постепенно рост атеистических настроений охватывал всё более значительные части населения, хотя целенаправленного давления на религии со стороны власти ещё не было.

В поиске «союзников» Сибревком к трудовым земледельцам отнёс крестьян-старожилов и новосёлов, «инородцев» и казаков. Но дело в том, что многие сибирские казаки ощущали себя не только отдельным сословием, но и этносом.

Их тип поведения и роль в событиях объяснялось групповой исторической памятью и, к тому времени утраченными (по советскому декрету 1919 г.), привилегиями. Очевидно: этническое часто проявлялось в тех условиях через социальное, но, как замечал М.П. Головачёв, в Сибири не существовало строгого разделения между занятиями городского и сельского населения. К тому же среди сибирцев были относительно недавно ассимилированные и «природные» татары и казахи.

В событиях принимало участие ещё несколько групп нерусских, в т. ч. не крестьян:

- военнопленные и интернированные – подданные Германии, не существовавших на тот момент Австро-Венгерской и Османской империй, как и возникших на их руинах новых государств. Согласно международных договорённостей после окончания Первой мировой войны начался процесс возвращения. Процесс затянулся, ввергнув военнопленных и интернированных в политическую борьбу, в т. ч. на стороне советской власти. Их, преимущественно молодых мужчин, часто именовали «интернационалистами», поскольку они увлеклись идеями III-го Интернационала, провозгласившего мировую революцию. В 1920–1921 гг. из военнопленных формировались уборочные и молотильные отряды. Их агитировали участвовать в Польской компании;
- разновозрастные беженцы и перемещённые («выселенцы») Первой мировой войны из прифронтовых регионов. Позже добавились беженцы Гражданской войны, часть из которых, застигнутая войной и тифом, осталась в Сибири. Им, особенно женщинам, оказалось труднее адаптироваться к ситуации;
- отбывавшие наказание – ссылку по селениям или в лагерях принудительных работ бывшие монархисты и националисты, представители уже запрещённых к тому времени советской властью политических партий и движений, офицеры царской

Активны были всегда профессиональные революционеры, подобные латышам Я.Я. Пеиче (Печенину) и А.П. Спундэ, членам РСДРП /б/, соответственно, с 1903 г. и 1909 г., работавшими в 1920 г., соответственно, военкомом Тюменской губернии и председателем Енисейского губревкома. А.Р. Миллер был одним из руководителей комиссариата продовольствия Латвийской Социалистической Советской республики. После ликвидации республики перебрался в Россию, а с апреля 1920 г. – на Алтай, где занимал должность заместителя губпродкомиссара.

По разные стороны «баррикад» оказались евреи, хотя отношение к ним было обострённое, а временами и иррациональное, негативно-конфронтационное. В сознании сибиряков отражалась, очевидно, прежняя, окружавшая их столетиями установка: евреи – враги... Она оказала влияние на восприятие и оценку происходивших событий: сводки тюменской губчека с осени 1920 г. сообщали о появлении антисемитских листовок, одновременно имевших и антибольшевистскую направленность.

Следует признать, что евреев оказалось немало среди большевистского актива. Это объяснимо – тысячелетиями угнетаемые евреи в объявленных лозунгах увидели воплощение мечты о новой модели мира, социальном равноправии и искренне шли в бой за неё. К тому времени «сформировался особый культурно-психологический тип сибирских евреев. Они переняли нравы и обычаи русского населения Сибири, почти не отличались от него в одежде, архитектуре и убранстве жилищ, говорили на местных диалектах русского языка (лишь немногие хорошо знали идиш или иврит), зачастую не выполняли мицвот (в т. ч. законы кашрута), не соблюдали субботу и праздники».

Формировалась в тех условиях и новая ментальность – «советский еврей», что проявлялось и в русификации имён и появлении вторых – «русских» фамилий и отчеств. Были и факты отказа от «еврейства» как негативной этнической идентичности. Вместе с «красными латышскими стрелками» и «красными мадярами» подобные люди являлись одним из самых надежных (для советской власти) бойцов. Это оценили и уточнили (в формируемом образе врага) повстанцы.

На 1920-е гг. пришелся и процесс ассимиляции сибирских бухарцев, влившихся в состав сибирских татар, перед этим дав определённое число пассионариев, возглавивших, кстати сказать, разнополярные политические силы, вовлечённые в события.

Причина восстания – бестоварье». Между тем, по постановлению Совнаркома 20 июля того года, Алтайская губерния должна была сдать 31 млн. пудов хлеба.

Стремясь снять напряжение, в Обращении «Товарищи крестьяне, казаки и киргизы» Сибревком отмечал: «Победа требует жертв, и тяготы борьбы за полное освобождение трудящихся равномерно развёртываются между всеми трудящимися».

В документе выражена надежда, что население поддержит власть, которая, впрочем, в том не была уверена. Иначе чем объяснить, что за полгода до того в письме к В.И. Ленину И.Н. Смирнов запрашивал: «...для целей осуществления производств не создать ли в Сибири несколько немецко-венгерских дивизий?». На телеграмме сохранилась ленинская резолюция: «По-моему, нужно».

Дивизии должны были формироваться из тех военнопленных, кто разделял мечту о мировой революции. Представления о «родине» для них были связаны с политической идеей – расширением пространства социализма. Их действия иногда оправдывались «революционной необходимостью». Например, отряд Павлодарского увоенкомата, состоявший из 12 кавалеристов и 45 «интернационалистов-мадьяр», в начале августа 1920 г. в иртышских станицах изъясил 52 винтовки, 20 шашек, несколько сотен патронов, 62 седла, а без суда расстрелял 34 чел.

В Сибири и Северном Казахстане имелись свои немцы – российские, в большинстве своём (как и многие местные представители европейских этносов: поляки, латыши, латгалцы, литовцы, эстонцы) индифферентно относившихся к политической жизни, более заинтересованные в личном материальном благополучии и душевном спокойствии. Даже развёрстка мало коснулась крепких немецких хозяйств, выполнивших её за счёт запасов прежних лет. Тем не менее, в рядах омских мятежников немцы присутствовали.

В ещё большем отдалении от политических проблем страны и региона находились те, что именовал себя по религиозной принадлежности – меннонитами (впрочем, в годы Первой мировой войны, спасаясь от действия ликвидационных законов, иные определяли себя голландцами). Согласно учения меннонитов брать в руки оружие – грех. Это учитывали, необходимо признать, как при царизме, так и колчаковцы, а затем и советские органы.

Армии и белогвардейцы, «зелёные» или «социально опасные элементы» разного происхождения.

Всего же в 1914–1920 гг. численность приезжих в крае составила 592 тыс. чел., где 23,5 % осело в городах. Все эти группы объединяло социальное положение и солидарное поведение, связанное с физической и нравственной борьбой за выживание, но мало интересовали этнические различия.

А вот проявляемая конфессиональная принадлежность, являясь для части «новых сибиряков» важнейшим и детерминирующим фактором поведения, позволяла рассчитывать на психологическую поддержку и реальную помощь единоверцев, в т. ч. из-за рубежа. Отношения же с местными жителями не всегда строились на принципах равенства и готовности к диалогу, в т. ч. из-за слабого владения языком «другого». Заметим: лингвистический фактор сыграл свою роль в разворачивающихся событиях не только среди этой группы населения...

Примем условность определений «русские» и «инородцы / нерусские», поскольку в описываемых событиях оказались задействованы не только русские (доминируя), но и алтайцы, белорусы, бухарцы, евреи, казахи, коми-зыряне, латыши, литовцы, немцы, ненцы, поляки, татары (поволжские и сибирские), украинцы, ханты, чехи, эстонцы... У каждой группы свой социально-экономический уклад и психический склад, лингвистические, религиозные, культурные особенности, другими не всегда понимаемые и признаваемые.

В зависимости от срока проживания в крае каждая группа «новосёлов» по-разному вписывалась в полиэтноконфессиональное пространство, сопротивляясь или стремясь к аккультурации и ассимиляции. Понятно, что культура новосёлов из западных российских губерний была основана на несколько иных ценностях, чем «старых» сибиряков. При всём том аборигенные этносы были более, чем другие, привержены архаизации и идеалам традиционного общества. Разделение на «своих» и «чужих» проходило по отношению к окружающему миру, соотнося этнические и религиозные стереотипы и образы, часто основанные лишь на воображении и предположении, но обеспечивая «культурный шок».

Дискомфорт (или лишь психологическое давление) от пространственного и социокультурного перемещения усугублялось, когда эти люди сталкивались с реальной дискриминацией, особенностями климата, социальных норм и иных, иногда чуждых, правил поведения. Поэтому перемещаемые лица в новом месте нередко «изобретали» новые идентичности, которые должны помочь (и помогли) преодолеть психологическую травму. Не меньше настораживалось принимающее общество, видя в приезжих источник ухудшения своего положения. Кризисное состояние экономики в ещё большей степени усугубляло проблему, порождая чувство неуверенности и страха перед будущим.

К тому важно заметить, что после Гражданской войны и введения «военного коммунизма» численность сельского населения края увеличилась на 11 %, а городские предприятия стояли.

Иногда «межа» выстраивалась и среди географически (по месту исхода) и культурно (протестанты) близких переселенцев: в деревне Ковалево Тюкалинского уезда эстонцы жили на Вирусской Большой улице, латыши – на Курнаской, а финны-корлаки – на Корлацком конце. Делилось даже деревенское кладбище, протестантское по отправляемым обрядам. Для них в меньшей степени характерен билингвизм, тогда как для белорусов, поляков, украинцев, близким становился русский язык, поскольку условия жизни (в городах и смешанных селениях), утилитарные задачи формировали потребность в знании языка русского большинства.

Меньше всего придерживались закрытости те, кто разделял либеральные ценности, стремился к обновлению, идеи которого провозгласили пассионарные сторонники джадидизма или «Хаскалы». Эта часть населения была открыта новациям, активно включаясь не только в экономические и миграционные процессы (по всей стране), но и в политическую борьбу, иногда «забрасывавшую» их в эмиграцию или сибирскую ссылку.

Среди примечательных фигур – латыш К. Ю.Х. Данишевский, который ещё в 1900 г. примкнул к Латышской социал-демократической рабочей партии. Был активным участником трёх революции, делегатом IV-го и V-го съездов РСДРП, в 1907 г. избран в состав её ЦК. В 1914 г. он осуждён на пожизненную ссылку в Нарым, но в январе 1917 г. совершил побег. Имея большой опыт партийной, военной и советской работы, знакомый с сибирскими условиями, в разгар событий – с ноября 1920 г. и по март 1921 г. Данишевский находился в Омске, являясь секретарём Сибирского бюро ЦК РКП /б/.

Среди его «классовых врагов» – сибирские крестьяне: уроженец Витебской губернии А.А. Карасевич (бывший колчаковский подбесаул, именовавший себя во время мятежа генералом Беловым, есаул-атаманом Незнамовым, Леопольдом Баратовым, доктором Грибоедовым) и поляк Т. Юхневич, возглавивший выступление против советской власти в Ново-Александровской волости Томской губернии.

Гражданская война развела многих соплеменников, хотя после падения советской власти в Сибири (летом 1918 г.) широкий размах приобрело среди них движение за национально-культурные автономии, импульс которому дали «областники». Движение задавлено усилиями Всероссийского правительства А.В. Колчака, а затем и вернувшейся советской власти.

Латентная фаза кризисных взаимоотношений власти и масс, начавшегося после ухода колчаковских войск, протекала вяло, но повсеместно – на севере и на юге, в степных и горных районах. Пролетариата (за исключением шахтёров) – опоры власти было мало, а вот недовольные имелось даже среди тех, кто ранее воевал за большевиков. К тому же сказалась засуха в Алтайской и Омской губернии летом 1920 г., а местная промышленность (почти вся сосредоточенная в Западной Сибири) произвела лишь 25,2 % дореволюционного объёма продукции. Снижился выход угля.

Тем не менее, регион рассматривался правительством как источник сырья и продовольствия, поскольку в центральной и южной частях страны ситуация оказалась ещё драматичнее. Возникла общая, в контексте назревавших событий, протестная «волна», которую усугублял неразумный подход власти к имущественным правам и экономическим отношениям.

Первоначально продрозвёрстка проходила в «щадящем» режиме, но к лету 1920 г. нормы сдачи увеличились, вызвав недовольство. Более того, возникли волнения, прозвучав для власти «звоночком», что латентный конфликт перерастает в открытую фазу. Тем более, что восстали те, кто раньше воевал за советскую власть.

Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов прислал в июле 1920 г. тревожную телеграмму В.И. Ленину: «Половина Алтайской и Томской губерний охвачены кулацким движением, которое мы подавляем вооружённой силой.